РУССКІЙ
ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

ІЕЗУИТЫ КРАСНАГО ПѢТУХА НАМЪ ПУСТИЛИ,

или

РАЗВРАТИТСЯ-ЛИ РОССІЯ ВЪ ЛАТИНСКІЙ КАТОЛИЦИЗМЪ?

посвящается іезуитамъ Гагарину и Мартынову,

ПЕТРОМЪ АРТАМОВЫМЪ,

вяземскимъ мужичкомъ.

ЧАСТЬ II. — ТЕТРАДЬ IV.

PARIS,

BERLIN, A. ASHER & Co.

A. FRANCK
Rue Richelieu 67.

LONDON, TRÜBNER & Co.

1859.

РУССКIЙ

ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

ІЕЗУИТЫ КРАСНАГО ПѢТУХА НАМЪ ПУСТИЛИ

ИЛИ

РАЗВРАТИТСЯ - ЛИ РОССІЯ ВЪ ЛАТИНСКІЙ КАТОЛИЦИЗМЪ?

ПОСВЯЩАЕТСЯ ІЕЗУИТАМЪ ГАГАРИНУ И МАРТЫНОВУ,

ПЕТРОМЪ АРТАМОВЫМЪ,

ВЯЗЕМСКИМЪ МУЖИЧКОМЪ.

ЧАСТЬ II. — ТЕТРАДЬ IV.

PARIS,

BERLIN, A. ASHER & Co.

A. FRANCK

Rue Richelieu 67.

LONDON, TRÜBNER & Co.

1859.

Кто сколько ни сердись, а я начну бра-
ниться;
Съ бездѣльствомъ, съ глупостью людской
мнѣ не ужиться.
Тотъ честенъ, такъ глупецъ,
Другой уменъ — ханжа, обманщикъ,
льстецъ.

Капнистъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

А. Франкъ, имѣетъ честь, увѣдомить всѣхъ желающихъ публиковать статьи, сочиненія, и проч., въ „заграничномъ сборникѣ“, что онъ вполнѣ готовъ исполнить это желаніе. Само собою разумѣется, что хотя „заграничный сборникъ“ и не подверженъ никакой цензурѣ, редакція его однако же не можетъ принимать статей, сочиненій, и проч., противныхъ по своему духу, началамъ нравственности, или же касающихся до личности русскаго царя. О подробнѣйшихъ условіяхъ благоволятъ адресоваться на имя:

А. ФРАНКЪ,
въ Парижѣ, въ улицѣ Ришльё, 67.

Лейпцигъ,
въ типографіи Густава Бера.

Leipzig,
Druck von Gustav Bär.

Мысль защищать и восхвалять русскую церковь далека отъ меня. Крѣпко установилась она на вселенствѣ древняго православія, и доселѣ живетъ въ духѣ русскомъ жизнію цѣлаго народа. До сихъ поръ Богъ ее хранилъ отъ козней враговъ человѣчества: Богъ ее оградитъ и на будущія времена.

Но, брошюра іезуита Гагарина, очевидно расчитана на растлѣніе частныхъ лицъ. Всякому честному человѣку, которому извѣстна, хотя мало мальски исторія латинскаго католичества и римскаго папства, а въ особенности іезуитскаго общества, мысль о возможномъ соединеніи русской церкви съ латинскою должна представиться какимъ то чудовищнымъ произведеніемъ развращеннаго воображенія. Соединеніе или примиреніе съ латинствомъ — просто невозможное дѣло.

Въ догматическіе споры входить не станемъ. Для насъ противно слушать и читать религіозныя полемики, доказывающія только слабоуміе, суетность, мытарство людское. Хотѣть истолковать непостижимое, непонятное и недоступное уму человѣческому, значитъ хотѣть хватать звѣзды съ неба. Скажемъ еще болѣе: во всякой

полемикѣ такого рода всегда обнаруживается кощунство и атеизмъ. Поэтому, мысль отцевъ вселенскихъ охранить церковь Хрістову, отъ подобныхъ преній, доводящихъ большею частію до безвѣрія, была мыслію истинно человѣчественною. Горе тому, кто вовлекаетъ ближнихъ въ споры и вздоры о томъ, что окончательно было установлено на словахъ Спасителя міра.

Не понимаемъ доселѣ чего добиваются іезуиты, подъ личиною гагаринскою, человѣка весьма пустаго и жалкаго во всѣхъ отношеніяхъ. Каждый разъ, что намъ удавалось слышать или разговаривать съ бывшимъ княземъ, намъ проиходила на память игра шарманокъ, безтолково, фальшиво и пѣтушино передающихъ аріи изъ разныхъ оперъ. Мы нисколько не преувеличиваемъ если сравниваемъ Гагарина, Мартынова, Шувалова, Балабина, Печорина, слѣпца Сергѣева, Августина Голицына и tutti quanti съ крикливыми, разстроенными механиками шарманокъ. *Всѣ эти господа, отставшихъ отъ православія*, промѣнявшихъ смиренное названіе русскихъ на надменное титулованіе братьевъ Іисуса, оказали и оказываютъ такую жалкую безмозглость, незнаніе, пустоту, *безграмотность и бездарность*, что по неволѣ спрашиваешь: дѣйствительно-ли іезуиты составляютъ то общество, которое слыветъ умнымъ, хитрымъ, всевѣдущимъ, готовымъ на всѣ дѣла, гдѣ солнце истины не должно освѣщать путей человѣчества?

Іезуитское братство! Многіе-ли изъ нашихъ православныхъ соотчичей-мужичковъ знаютъ, что такое іезуиты. Помню, когда я еще находился въ крѣпости, что бывшій

баринъ мой, ругалъ насъ всегда за какія-либо мошенническія продѣлки: ахъ вы іезуиты канальи! Освободясь отъ крѣпости, поживши нѣсколько лѣтъ на западѣ, научившись по нуждѣ нѣсколькимъ языкамъ европейскимъ, въ минуты отдыха отъ трудныхъ работъ, я предавался чтенію и ученію. Эти слова: ахъ вы іезуиты канальи, навели меня на желаніе узнать, что такое за люди, съ которыми баринъ насъ сравнивалъ всякой разъ, что бывало постараешся какъ нибудь его обмануть или обокрасть. Мнѣ все казалось, не знаю почему, что вѣроятно и іезуиты крѣпостной народъ, и отчасти оно и такъ. Всѣ они въ крѣпости и въ кабалѣ зла, невѣжества, смутныхъ идей властолюбія.

Всего лучше характеризируетъ ихъ общество, мысль высказанная на ихъ счетъ, бывшимъ лѣтъ двѣсти тому назадъ, ихъ генераломъ, Борджіа. Находясь на смертномъ одрѣ, терзаемый и мучимый угрызеніями совѣсти, человѣкъ этотъ, управлявшій орденомъ нѣсколько лѣтъ, покрытый кровью неповинныхъ, оскверненый всѣми гадостями и пороками, съ содроганіемъ воскликнулъ: „Господи, прости намъ окаяннымъ: подъ личиною овчею втерлись мы въ міръ сей; какъ волки витаемъ мы въ немъ; какъ поганыхъ собакъ изгонятъ насъ изъ него. Что за страшное наказаніе: вѣдь мы снова какъ стая хищныхъ, плотоядныхъ птицъ нагрянемъ на человѣчество, и будемъ терзать его; Боже мой, Боже мой, и опять насъ изъ этого міра какъ діав . . . . .“ Говорятъ, что исповѣдникъ и окружающе братія не дали докончить и помогли смерти. Дѣло статочное!

И дѣйствительно откуда іезуитовъ не гоняли какъ собакъ: изъ Португаліи, и Испаніи, изъ Великобританіи, изъ Италіи, изъ Франціи, изъ нѣмецкихъ земель, изъ Китая, изъ Японіи, изъ Россіи, даже изъ самого Рима, отвсюду ихъ толкали въ шею, и вездѣ, гдѣ только они не основывались на жительство, вездѣ ихъ ненавидѣли и проклинали. Наконецъ даже самъ папа, не помню который именно, окончательно, въ силу своей непогрѣшимости изрекъ уничтоженіе ихъ братства. На этотъ разъ папа на дѣлѣ и въ дѣйствительности доказалъ свою непогрѣшимость.

Въ наше время іезуиты снова показываются. По словамъ ихъ генерала Борджіа, они слетаются какъ плотоядныя птицы на пожраніе общественнаго трупа. На западѣ общество видимо разлагается и тлѣетъ. Добыча славная; есть чего поклевать. И дѣло! пускай выклюютъ до тла смрадное общество: вѣдь перерожденіе въ новую жизнь, основано на условіи смерти. А все же отъ *плотоядныхъ птицъ пахнетъ смердію* . . . . .

На вопросъ: Россія будетъ-ли католическою? (читай римскою, латинскою, папистскою), мы отвѣчаемъ просто отрицательно: нѣтъ, никогда Россія не развратится въ папизмъ. Разсужденій тутъ много не нужно. Разсужденія ровно ничего не доказываютъ. Историческіе факты, вотъ на чемъ должно и слѣдуетъ опираться; а факты, со временъ Ольги и Владиміра, Іоанна грознаго и Петра великаго, до нашихъ временъ — не послѣдовательныя-ли доказательства, что духъ папистскій противенъ духу православія и не совмѣстенъ съ духомъ русскимъ.

Гагаринская книжонка, напечатанная въ 1856 году, на французскомъ языкѣ, и переведенная на русскій, сообщникомъ его Мартыновымъ, имѣла весьма жиденькій успѣхъ. Вотъ почему Мартыновъ и увѣряетъ, что она возбудила вниманіе цѣлой Европы. Впрочемъ, по іезуитскому ученію Европа, это какихъ-нибудь десятка два, три ханжей католическихъ, подобныхъ Августу Гакстгаузену, для которыхъ вѣра нѣчто въ родѣ аферы биржевой. Намъ попалась книжонка нечаяннымъ образомъ, и съ начала до конца мы перечитали ее съ невольнымъ чувствомъ жалости о ея безсмысленной претензіи на что-то. Мы уже было и забыли совсѣмъ о ней, какъ вдругъ она снова появилась въ русскомъ переводѣ, и мы узнали, что еще готовятся двѣ или три другія брошюры на русскомъ языкѣ, написанныя въ томъ же духѣ. Признаться, отвѣчать на нихъ не стоитъ, но по несчастью, нѣкоторые русскіе и греческіе писатели отвѣтили на первую брошюру, и тѣмъ возбуждаютъ, разумѣется, къ религіозной полемикѣ. Мы уже сказали, что мы думаемъ о полемикахъ такого рода. Желая остановить ихъ, намъ пришла мысль высказать, какъ русскій мужичокъ думаетъ обо всемъ этомъ. Нашъ голосъ въ семъ случаѣ не долженъ внушать недоразумѣнія или подозрѣнія. Мы, независимы и по нашему положенію въ обществѣ, и по нашему состоянію, и по нашимъ мыслямъ, и по нашимъ чувствамъ. Оставши добровольно отъ Россіи, мы все же остались, русскимъ! и по привычкѣ, и по духу, и по сочувствію ко всему, что касается до нашей родинѣ. Насъ никто не изгонялъ, но мы сами и навсегда поставили между

нами и отчизною непреоборимую преграду. Однимъ словомъ, я родился русскимъ мужичкомъ, и хотя теперь и скитаюсь по бѣлу свѣту безъ отчизны — но никого въ томъ не могу обвинять. На то была моя собственная воля.

Авг. Гакстгаузенъ своимъ плодовитымъ и пресловутымъ слогомъ тщился поднять брошюрку Гагарина до небесъ, и сдѣлалъ только то, чему онъ обязался. За деньги и не нѣмецкихъ бароновъ можно подкупить. Въ томъ-то и слабость папизма!

Православіе никого и никогда не подкупало, и не подкупаетъ. Къ чему? киньте взоромъ его прошлое и вы найдете, что:

оно никого на свою сторону не обращало ни деньгами, ни силою;

оно никогда не покрывалось фарисейскою черною мантіею іезуитства для распространенія идеи, которою держится съ самаго дня своего основанія, не смотря ни на турокъ, ни на папъ;

оно идетъ впередъ тихимъ, мѣрнымъ шагомъ, опираясь на евангеліе Хріста и на преданія отцевъ вселенскихъ;

оно осталось неуклонно при постановленіяхъ догматическихъ и *административныхъ правилахъ семи вселенскихъ* соборовъ, высказавшихъ послѣднее слово о томъ, чему и какъ слѣдуетъ вѣровать всякому разумному человѣку;

оно не осмѣлилось ни убавлять, ни прибавлять, ни искажать этихъ постановленій;

оно и по нынѣ еще опирается на символъ вѣры, какъ изрекли его вселенскіе соборы;

оно не выдумывало богохульной непогрѣшимости папской;

оно, во имя божіе, не поджигало страстей человѣческихъ на грабежъ, на опустошеніе, на насильство противу Альбигойцевъ, не хотѣвшихъ признавать непогрѣшимости папской;

оно не проповѣдывало, во имя божіе, истребленія мечемъ и огнемъ, 222 валдійскихъ деревень;

оно не истребляло цѣлые милліоны людей въ Америкѣ во имя евангелія и креста, для утоленія своего сребролюбія;

оно не изобрѣтало севенскихъ драгонадъ для успокоенія отлумленой совѣсти дряхлаго, истаскавшагося короля;

оно не благословляло кровавой свадьбы вареоломеевской ночи, и не истребляло тридцати тысячи человѣкъ, возстававшихъ противу искаженія вѣры Хріста;

оно не уничтожило 130 тысячи душъ Чеховъ для большей славы божіей;

оно не ухищрялось на изобрѣтеніе красныхъ варшавскихъ сапожковъ на пользу католицизма;

оно не отдавало въ аренду жидамъ церквей божьихъ;

оно не позволяло своимъ попамъ и монахамъ кататься въ тріумфѣ на телегахъ, возимыхъ бабами и дѣвками;

оно не произвело на свѣтъ кровавой дьявольской инквизиціи;

оно не присвоивало себѣ права отрѣшать государей отъ престола, развязывать отъ присяги въ вѣрности под-

данныхъ, и не заставляло императоровъ стоять босоногими передъ дворцомъ, гдѣ папа ликовалъ, пьянствовалъ и развратничалъ съ своею любовницею;

оно не благословляло ножей цареубійцъ Равайльяковъ, Жаковъ, Клемановъ и Даміэновъ;

оно не точило и не вооьывало ножей на убійство Генриха III., Генриха IV. и Людовика XV.;

оно не потакало революціи 93го года, пока это было выгодно для замысловъ поповъ;

оно не пѣло: „Тебѣ Бога хвалимъ" въ 48мъ году, когда прогналъ народъ Людовика Филиппа изъ Франціи, и не благословляло деревъ свободы;

оно не покланялось выходцу и не просила въ храмахъ божіихъ его высочайшаго покровительства на посѣвъ табаку;

оно не обогрялось кровію славянъ во имя уніи;

оно не имѣло папов, жившихъ открыто съ наложницами и въ кровосмѣшеніи;

оно не имѣло папихъ;

оно не стрѣляло по своей паствѣ, хотѣвшей освободиться отъ каплунскаго ярма монаховъ;

оно не жгло на кострахъ Іоанна Гусса, Тампліеровъ, *дряхлыхъ старухъ реформатскаго исповѣданія*;

оно не жгло жидовъ подъ предлогомъ колдовства и братства съ чортомъ;

оно не отпускало грѣховъ прошедшихъ, настоящихъ *и даже будущихъ* за нѣсколько копеекъ;

оно не производило папов, явно смѣявшихся надъ глупостью человѣческою, и называвшихъ себя подъ веселую рукою: „ну что же: вѣдь земной то богъ, я я!"

оно не истребляло и не жгло книгъ священнаго писанія и псалтырей подъ предлогомъ, что онѣ напечатаны на народномъ языкѣ;

оно не подавало повода къ реформаціямъ, къ атеизму, къ равнодушію въ дѣлѣ вѣры;

и наконецъ оно не выкинуло на свѣтъ чудовищнаго недоноска, или переноска, исчадія мерзости, окаянства, которое дошло до такого неистовства, что горделиво и надменно назвало себя: братствомъ Іисуса, и налѣпило кровавые на своихъ хоругвяхъ буквы: A. M. G. D. т. е. Для Большей Славы Божіей.

Для бóльшей славы божіей! Страшное богохульство! Для бóльшей славы божіей, вы іезуиты, учите, что все, рѣшительно все не только позволительно, но еще богоугодно и обязательно. По этому вашему ученію, вы утверждаете, что богохульство, клятвопреступленіе, измѣна, человѣкоубійство, дѣтоубійство, братоубійство, отцеубійство, цареубійство, блудъ, кровосмѣшеніе, воровство, плутовство, ложь, ханженство, ядъ, мечъ, огонь, наушничество, поджигательство, развратъ, содомство, клевета, искаженіе истины, лжемудрствованіе, и проч., для большей славы божіей, т. е. для упроченія римскаго всемірнаго теократизма, и съ цѣлію вашихъ собственныхъ выгодъ, пріятно Богу.

Чему же удивляться послѣ этого? и чего ожидать отъ такого общества? И что мудренаго если эти господа, подъ видомъ миролюбивой книжечки, пустили намъ краснаго пѣтуха. Но смотрите іезуитики, не обожгитесь. Затѣяли вы важное дѣло — да какъ и чѣмъ оно кончится? Вотъ вопросъ.

Остерегаться вашей брошюры слѣдуетъ тѣмъ, которые не знаютъ вашихъ продѣлокъ, хитростей и козней. И мы предостерегаемъ земляковъ отъ васъ. Береженаго Богъ бережетъ. Да не забудемъ, что дьяволъ точно также, ласковымъ и краснымъ словцомъ, искушалъ Евву и самого Спасителя.

Вамъ бы только добиться до своей цѣли. — Папамъ же, и вамъ обѣщанія, ласканія, увѣренія и клятвы, ни по чемъ.

Факты — противу васъ, и пора бы вслѣдъ за Паскалемъ и другими честными людьми, обличать васъ всенародно. Намъ православнымъ это слѣдуетъ сдѣлать для предостереженія народа отъ вашихъ искательствъ. Жаль, а право, не худо-бы Іоанна грознаго съ дубинкою вывести изъ гроба. Пускай съ вами потолковалъ бы, какъ толковалъ съ братомъ Іисуса, Поссевиномъ.

Каково начало — таковъ и конецъ. Пересмотрите книжонку іезуитовъ, выпечатанную подъ фирмою Гагарина и Мартынова, и найдете, что начинаетъ свою брошюру іезуитъ Гагаринъ лестію русскому царю, и — искаженіемъ истины. На этихъ-то двухъ камняхъ, на лести и на лжи — и создана вся папская система.

Начинаетъ лестію, вознося до небесъ весьма простой и естественный манифестъ Александра IIго, по случаю заключенія мира. Мы нѣсколько разъ перечитывали и этотъ манифестъ, и другіе, изданные по таковымъ же случаямъ. Обѣщаній — много; желаній — много; хоро-

шаго — много! Но закатываться отъ умиленія, и прослезываться, и трогаться, тутъ право нечего. Увидимъ, что изъ всего этого будетъ, а исторія скажетъ свое мнѣніе въ свое время. Кажется пора бы и іезуитамъ выходить изъ старой колеи избытыхъ, официальныхъ и высокоторжественныхъ чувствъ и фразъ. Довольно врать, и пора уже молчать, если говорить, нельзя.

Искаженіемъ правды —

А позвольте прежде всего спросить: за что, и когда, ваше іезуитское сіятельство, находитесь въ изгнаніи? Изгнаніе влечетъ за собою понятіе о гоненіи. А кто васъ гонялъ? И откуда васъ изгоняли? Къ чему морочить людей? Вѣдь это все хорошо лишь для однѣхъ старыхъ бабъ да про вашу братью іезуитовъ. По неволѣ заставляете вы насъ исправить фактъ, и выставить его наружу такъ, какъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Родной вашъ отецъ не хотѣлъ васъ принять въ домъ по вашемъ возвращеніи. За что? Положите-ка сердце на руку — и скажите не краснѣя, за что васъ отецъ прогналъ? Да къ чему? Развѣ у настоящаго іезуита есть сердце, и развѣ онъ можетъ краснѣть, когда дѣло идетъ о большей славы божіей, A. M. G. D.

А о вашемъ отступничествѣ отъ православія, вотъ что расказывалось въ Петербургѣ. Когда донесли царю, что вы княжескій свой гербъ; промѣняли на іезуитскій четырехугольный колпакъ, и званіе русскаго дворянина промѣняли на званіе A. M. G. D. іезуита, тогда царь пожалъ плечами и съ презрѣніемъ сказалъ:

„Дуракамъ воля дурачиться. Пускай его дуритъ, и

остается тамъ гдѣ находится. Однимъ — меньше на Руси."

Вѣроятно это-то Гагаринъ съ самодовольствіемъ и называетъ напвцо гоненіемъ и изгнаніемъ.

Скажите же на милость какія у — и у —, могутъ быть чувства сердца, неразрывно связаннаго въ узахъ съ любимою отчизною. Вѣдь — тамъ хорошо гдѣ можно жирно да сытно покушать и въ блаженномъ бездѣйствіи насыщаться для бо́льшой славы божіей, всякими благами міра сего, а доселѣ на цѣломъ западѣ извѣстно неистовство монашьихъ утробъ, за то ихъ и до Р. Х. еще называли жрецами.

Возстановивъ этотъ фактъ изъ жизни пресытаго іезуита Гагарина, мы совѣтуемъ ему болѣе не вилять съ истиною. Рано-ли, поздно-ли, а все же всякое темное дѣло и слово становятся явными. Мѣсто русскаго князя не въ іезуитскомъ монастырѣ, и не въ улицѣ почты, 18, а на родинѣ. Но родины у іезуитовъ нѣтъ. Ихъ родина Римъ, ихъ отецъ небесный, земной папа, и ихъ царствіе небесное въ подобныхъ 18 номеру дому, въ улицѣ почты. А извѣстное дѣло, выходить днемъ изъ дому вольнаго обращенія, стыдно.

И вотъ, подъ фирмою такого человѣка, является на свѣтъ предложеніе о примиреніи церквей, и все это подъ личиною и подъ предлогомъ вѣры.

Но въ томъ то и камень преткновенія. Іезуитская вѣра, что-то такое плотоядное. Іезуитъ не можетъ понять церкви духовной; ему не подъ силу разумѣніе, что церковь и духовенство — два совершенно отличительные

предмеда между собою. Въ его умѣ, сжатомъ четырехугольнымъ колпакомъ какого-то духовнаго паяца, не можетъ совмѣститься понятіе, что вѣра есть чисто личное, разумное, уметвенное и свободное убѣжденіе внутренняго человѣка, и что тамъ гдѣ останавливается разумъ, останавливается и вѣра, и что по этому-то закону мышленія, только тотъ можетъ вѣрить, кто можетъ постигнуть бытіе Бога. Вотъ почему всѣ богословы запада, начиная съ Ѳомы Аквинскаго, и до нашихъ временъ, порятъ такую дичь, и вотъ почему еще во Франціи нѣтъ болѣе ни въ комъ вѣры въ Бога, въ безсмертіе души. Изъ предмета *весьма яснаго, точнаго, объясненнаго вполнѣ* самимъ Спасителемъ, папистическая система успѣла сдѣлать что-то темное, запутанное и необъяснимое. Ужасно за то и наказаніе духовенству, которое осмѣлилось играть столь святыми дѣлами и мыслями. Въ цѣломъ народѣ французскомъ, я въ теченіи двадцати пяти лѣтняго моего постояннаго обращенія съ нимъ, встрѣчалъ вездѣ только презрѣніе самое глубокое, самое отвратительное и къ папѣ, и къ іезуитамъ, и ко всему духовенству. Скуфейщикъ и еще подлѣйшая кличка, вотъ имена, подъ которыми всегда объ нихъ говорится. И не дай Богъ новому перевороту приключиться на западѣ. Въ томъ мы вполнѣ убѣждены, что ни одного попа, въ живыхъ не оставятъ.

Такъ такіе-то люди, безъ зазрѣнія совѣсти, и вздумали подъѣхать къ намъ русскимъ похлопотать о примиреніи въ *области вѣры.*

Въ *области вѣры!* — Вотъ то то и есть, куда не обернитесь, вездѣ въ латинскомъ католицизмѣ встрѣчаете

вмѣсто духовнаго, отвлеченнаго, сердечнаго въ вѣрѣ, только матеріальное, именованное, чувственное. Іезуиты дотого все исказили въ вѣрѣ, что ея нѣтъ болѣе на западѣ. Существованіе Божіе подвержено сомнѣнію; Хрістосъ осмѣянъ; Духъ Святый поруганъ! То, что дѣтски осмѣивали Ж. Ж. Руссо, Вольтеръ, Гольбейнъ, Дидеро и д'Аламберъ, Прудонъ убилъ своею холодною, безпощадною логикою. Его послѣдняя книга, посмертный звонъ католицизму. Мы не даемъ вамъ болѣе десяти, много пятнадцати лѣтъ существованія. А послѣ іезуитовъ что будетъ? Оплакивать васъ не станутъ. Время поэтическихъ плакушекъ, а ла Шатобріанъ, прошли. Поэтическимъ шематонствомъ люди съ умомъ и сердцемъ, болѣе не занимаются. Папизмъ — *огромная средневѣковая развалина, и отъ этой развалины* останется лишь одно темное, невѣрное преданіе, въ родѣ того, которое сохранилось неясно въ нѣкоторыхъ ученыхъ книгахъ о Друидахъ и о ихъ кровавыхъ жертвоприношеніяхъ.

Но останется великое поученіе. Словами Хріста, не будутъ болѣе играть, и догматовъ новыхъ не будутъ болѣе выдумывать.

Странное впечатлѣніе производитъ на насъ латинскій католицизмъ. Намъ все кажется, что онъ передъ нами разстилается какъ смрадное болото, подобное понтинскому возлѣ Рима. Кто только дерзнетъ войти въ него, тотъ теряетъ непремѣнно и здоровье души и сердца, и свѣжесть ума.

И какъ отвратительно заглянуть во внутренность жизни католической. Все въ ней какъ-то глупо, неприлично, не совмѣстно прилажено, приклеено относительно къ общественной жизни. И къ довершенію бѣдствія, нѣтъ

возможности очистить этого безобразія безъ ужасной ломки построенія цѣлой системы. Нужно возвратиться къ первовѣковой жизни христіанства; исправить искаженія преданій; сломить папскія притязанія на невозможное главенство въ церкви; нужно уничтожить безбрачіе поповское, надѣлавшей болѣе вреда въ жизни семейной и общественной, чѣмъ всѣ пошлыя, гадкія, мерзскія дѣянія всей папской системы. Нужно все сломать, съ самой верхушки трехвѣнечной шапки папской, и все срыть до основаніи, стоящаго на лести и на лжи.

Вотъ почему примиреніе невозможно, и не совершится никогда на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ оно предлагается. Да и къ тому же, что за выгоды церковь должна искать въ матеріальной жизни народной. Церковь не совмѣстна съ идеями мірскими. Церковь чисто отвлеченное, духовное понятіе, какъ и самая вѣра, какъ и самая истина, какъ и самъ Богъ. Она не принимаетъ на себя величественнаго лика римскаго вселенства, и ея глава, Господь Іисусъ Христосъ, на небѣ и на землѣ, въ сердцѣ и въ умѣ, каждаго человѣка. Безъ Христа, нѣтъ средоточія, нѣтъ корня живительнаго въ жизни вселенной, и это было такъ хорошо, чисто и ясно принято отцами вселенскихъ соборовъ, что къ ихъ ученію, къ ихъ постановленіямъ ни прибавлять, ни убавлять нечего, подъ опасеніемъ прослыть или глупцемъ, или богоотступникомъ. Нѣтъ, нѣтъ, не хотимъ мы примиренія съ вами. Да и къ чему оно? Вѣдь мы съ вами во враждѣ не стоимъ, мы васъ отъ себя не отталкивали, мы ссоръ да вздора не поднимали, мы не выдумывали часто смѣш-

ныхъ нововведеній въ области вѣры, мы не отставали отъ вашего величественнаго лика римскаго вселенства. Живите въ своемъ кругу, пока вамъ живется, а насъ оставьте вы въ покоѣ. Богъ разсудитъ лучше непогрѣшимаго папы и васъ іезуитовъ, кто правъ, и кто виноватъ. Да и вспомните, что сказалъ царь объ отступничествѣ князя Гагарина: дурите тамъ себѣ, а насъ не маните дурачиться съ вами.

Знаемъ, что насъ обвинятъ въ поджиганіи къ враждѣ; но мы отвѣтимъ: вражды у насъ нѣтъ къ латинству, а есть какое-то невольное холодное, презрѣніе, къ нему, которое мы нашли почти во всѣхъ мыслящихъ людяхъ Франціи, Германіи и Англіи.

Нѣтъ, нечего возбуждать къ враждѣ, потому что мы именно знаемъ и увѣрены, что предлагаемое и придуманное примиреніе гагарино-мартыновское, дѣло невозможное. Тутъ препятствія встрѣчаются не въ предразсудкахъ, а въ самой основной идеѣ хрістіанской, вселенской церкви православной, въ *искаженіи догматовъ евангельскихъ*, и въ самозванствѣ папъ римскихъ.

Да и знаете-ли, бѣдный мой Гагаринъ, чего домогаются ваши отцы A. M. G. D.? Сожалѣю и о васъ, и о *прочихъ отступникахъ* русскихъ. Посудите, помыслите и найдете, что тутъ дѣло идетъ не о мирѣ всего міра, а о существованіи папской системы. Іезуиты весьма хорошо знаютъ, что на западѣ папизмъ отжилъ свой вѣкъ, и доказательства на это находятся въ самомъ Римѣ, и въ областяхъ папскихъ. Эти доказательства столь осязательны, что какъ не привыкли отцы A. M. G. D., лгать, но тутъ умѣнія рѣшительно не стало. Престолъ папскій, раска-

чался до того, что только нужно малѣйшаго толчка на западѣ, и тогда прощай — горшки съ молокомъ, и свинья, и теленокъ, и коровушка. Политика Франціи и Австріи это точно также смѣкаетъ, и вотъ, духовнаго главу церкви, поддерживаетъ физическая сила штыковъ двухъ иностранныхъ государствъ. Дѣло въ томъ, кому достанутся на добычу папскія владѣнія. Вы вѣроятно еще не забыли басни Лафонтэна: два вора и оселъ. Любопытно бы увидать, кто будетъ третій воръ, и кому достанется магистръ Алиборонъ. Іезуиты весьма поняли, что быть третьимъ похитителемъ, можетъ быть только сильное государство, и вотъ почему имъ такъ хочется развратить русскую землю въ латинство.

По словамъ Гагарина для примиренія русской церкви съ Римомъ достаточно согласія трехъ лицъ: русскаго царя, папы и русской церкви т. е. епископовъ или сунода. Когда-де, говоритъ іезуитъ они будутъ согласны, кто воспрепятствуетъ примиренію?

Мы, іезуиты, слышите-ли вы, мы, всѣ и весь людъ православный; мы, всѣ русскіе всѣхъ сословій, званій и чиновъ, начиная отъ благовѣрныхъ великихъ князей до послѣдняго мужика-хлѣбопашца, мы, всѣ безъ исключенія, и православные, и раскольники, и иновѣрцы, всякъ кто только носитъ имя русскаго человѣка. Да, мы всѣ, всѣ мы возстанемъ какъ единъ человѣка, и не допустимъ неслыханной мерзости совершиться на святой, православной, русской землѣ.

Или вы думаете, что мы не помнимъ какъ словопрѣлъ Іоаннъ грозный съ Поссевиномъ, и какъ наши

отцы очистили опоганенную Москву вашимъ возлюбленнымъ питомцемъ Гришкою Отрепьевымъ?

Или вы думаете, что мы забыли ваши святыя злодѣянія въ Малороссіи, гдѣ вы жгли, грабили, разбойничали, насильничали, оскверняли храмы божіи вмѣстѣ съ жидами? *Или вы думаете, что и до насъ не дошло* пастырское посланіе парижскаго архіепископа, въ которомъ приглашалъ ревностныхъ католиковъ, сердцемъ и душею вступить въ союзъ съ почитателями корана, для уничтоженія восточнаго схизма? Ступайте же къ вашимъ союзникамъ и благопріятелямъ! Коранъ, папа, жиды, іезуиты — чего же вамъ болѣе!

Пускай мы схизматики! — Мы гордимся этимъ названіемъ, по крайней мѣрѣ, оно во имя божіе, A. M. G. D. *не соединялось во едино, ни съ жидами, ни съ іезуитами,* ни съ кораномъ, ни съ папою! Или вы думаете, что мы до того оглумлѣли и оглупѣли, что не видимъ какъ безнравственно, подло и діавольски похищеніе ребенка отъ матери, хотя бы еврейки, и хотя бы папою совершенное? Ступайте, стыдитесь, плачте и кайтесь, пока Господь Богъ, въ милости и въ долготерпѣніи своемъ, даетъ вамъ время на покаяніе. А мы, съ похитителемъ дѣтей, съ благо*пріятелями корана*, съ *потакателями* іезуитовъ, примиряться не намѣрены. Какъ? что бы допустили мы святую, дѣвственную, цѣломудренную церковь нашу войти въ прелюбодѣйную связь съ новымъ Иродомъ XIX. столѣтія? Нѣтъ, нѣтъ, иначе Господь Богъ и насъ оставитъ, какъ оставилъ васъ несчастныхъ!

Да, слава Богу, обстоятельства какъ не льзя болѣе оправдываютъ наше отчужденіе отъ папизма и укрѣпляютъ

насъ въ презрѣніи къ этой системѣ. Въ миролюбивыя чувства вашего добродушнаго папы, мы никогда не повѣримъ. Мы слишкомъ любимъ чтеніе священнаго писанія, намъ слишкомъ дороги наши дѣти, что бы съ содроганіемъ не оттолкивать руки первосвященника, подписавшаго продскій указъ, первосвященника, который тою же рукою, которою приносилъ безкровную жертву, подписываетъ смертные приговоры своихъ несчастныхъ соотчичей, и который держится на своемъ мѣстѣ, опираясь на чужіе штыки. Намъ противенъ епископъ, грозящій вѣчно картечью и штыкомъ своей епархіи, и высасывающій кровавый потъ несчастныхъ римлянъ. Нѣтъ, мы никогда не будемъ съ вами едины, ибо ваше ученіе лживо, противочеловѣчественно, богохульно, антихристіански. Наши іерархи насъ учатъ любить Бога и ближняго, и почитать, и уважать материнскія чувства даже и въ безсловесномъ скотѣ.

А на царскомъ русскомъ тронѣ сидитъ мужъ, ничѣмъ еще не заслуживішій вашихъ превыспреннихъ похвалъ, и если онъ дѣйствительно умный и богобоязненный человѣкъ, то ваши похвалы должны быть ему отвратительны. Царь Александръ IIй положилъ конецъ войнѣ, которую онъ не начиналъ, да и сила солому ломитъ; онъ подписалъ парижскій трактатъ потому что ваши собраты держали ему ножъ подъ горломъ, и если онъ говоритъ о вѣрѣ, въ своемъ манифестѣ 31. марта, какъ объ основаніи всего на этой землѣ, то повѣрьте, это писано было не про вашу братію іезуитовъ.

Нѣтъ, нѣтъ, царь русскій, царь православный, подъ опасеніемъ ужаснѣйшаго возстанія цѣлой Руси, не дол-

жетъ, не можетъ, не смѣетъ войти съ вами въ переговоры по поводу какого-то чудовищнаго перемирія и *антихристіанскаго союза.*

Примиренію съ папою не бывать!

Примиренію съ іезуитами и подавно не возможно.

Проваливайте! . . . .

Парижъ $^{16}/_{27}$ Іюля 1858 года.

Въ день св. равноапостольнаго В. К. Владиміра.

Разругалъ! . . .

Извините, разругали факты, а не мы. Я выразилъ только то, что невольно волнуетъ сердце негодованіемъ при мысли о возможности отступничества вѣрѣ своихъ отцевъ. Ибо у насъ еще живетъ въ народѣ вѣра, и во всѣхъ насъ еще крѣпко держится надежда на грядущее, на лучшее въ нашемъ отечествѣ. Только это лучшее мы ожидаемъ не отъ папистской системы, а отъ православія.

Насъ упрекнутъ, можетъ статься, въ личностяхъ и въ пристрастіи. Пускай себѣ! Мы считаемъ всѣхъ тѣхъ *личными врагами, кто проповѣдуетъ или* кнутъ, или папскую туфлю. Для насъ въ такомъ случаѣ ненавистны и системы, и люди, за нихъ стоящіе горою. Теперь идетъ дѣло объ освобожденіи Россіи отъ всѣхъ подонокъ татарскихъ, нѣмецкихъ и папистскихъ. Теперь, намъ кажется, всякому честному человѣку время высказать свои вѣрованія и мнѣнія. Придетъ время дѣйствовать — не отстанемъ и мы.

Не даромъ, іезуитъ Гагаринъ, прежде всего затронулъ обрядную сторону русской церкви. Для разстлѣнія необходимо первѣе всего измѣнить наружную сторону человѣка и народа. Папизмъ всегда съ того начиналъ и начинаетъ свои благія дѣянія. Изъ выписокъ, которыя мы сдѣлали ниже, увидимъ какъ вводилась унія въ Бѣлоруссію и Малороссію; тамъ ясно выкажется какъ латине, всячески старались, искажать наши обряды. Штука впрочемъ не новая. И Петръ Великій, вводя общественныя реформы, прежде всего схватился за бороды и за долгополые кафтаны. Но что же изъ этого слѣдуетъ? На поверхности оно, что-то и походитъ на новую систему — но вникните во внутренность, въ сердце народа русскаго, и вы увидите, что хотя обычаи старые и исчезаютъ, а народъ все же остался исключительно русскимъ. Да и то надобно сказать: обрядъ не есть еще вѣра, и не составляетъ внутренней, духовной, созерцательной жизни человѣка. Обряды; могутъ оставаться тѣ-же, которые существуютъ теперь, или измѣниться, и даже совершенно пройти — но вѣра, а съ нею и православіе все таки не искоренятся ни изъ нашего сердца, ни изъ нашей памяти. Вотъ что и составляетъ огромную разницу между папистскою системою и православіемъ. У насъ обрядъ только внѣшнее выраженіе нашей внутренней вѣры, у папистовъ внутренняя вѣра, заглушена пристрастною любовью ко внѣшней формѣ религіи. У насъ, церковь осталась тою же церковью какъ восприняли мы ее отъ вселенскихъ соборовъ; у васъ же церковь измѣнилась въ какую то чудовищную систему. Мы любимъ наше православіе, у

васъ толпа удивляется и посмѣивается надъ остовомъ папизма. Однимъ словомъ, у насъ церковь — всѣ мы, у васъ церковь — папа, да вы попы и монахи.

Ваше іезуитское сіятельство говоритъ:

„Мы утверждаемъ, что римскій престолъ постоянно и искренно пекся о соблюденіи восточнаго обряда во всей его чистотѣ, такъ что не только отмѣненіе, но даже и измѣненіе онаго никогда не принадлежало въ его глазахъ къ числу условій мирнаго договора съ Востокомъ. (стр. 17.)“

Какъ все это припахиваетъ чѣмъ-то безобразно житейскимъ: договоръ, выгоды, примиреніе, и проч. и проч. Но мы на это мало обратимъ вниманіе. Для насъ главною задачею изобличеніе іезуитовъ и папства во лжи и лести.

Развѣ вы іезуиты забыли, а мы такъ нѣтъ, тѣ времена, *когда Бѣлоруссія находилась подъ игомъ латинской* Польши, а Малороссія двѣсти слишкомъ лѣтъ боролась противу вашего фанатизма. Дѣдъ, столѣтній старичекъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, не разъ мнѣ расказывалъ тѣ ужасныя происшествія, въ которыхъ выставляется наружу *и вашъ фанатизмъ, и ваше корыстолюбіе, и ваше честолюбіе.* Развѣ вы думаете, что мы забыли, или забудемъ, какъ православіе было гонимо латинскимъ фанатизмомъ? Развѣ вы думаете, что мы забыли, или забудемъ, что церкви наши стояли пусты, или отданы были уніатамъ? Развѣ вы думаете, что мы забыли, или забудемъ, какъ ваши миссіонеры насильно гнали народъ въ уніатскіе костёлы, ругались надъ ослушниками, сѣкли ихъ, заключали въ том-

ницы, томили голодомъ, отымали у нихъ дѣтей, дабы воспитывать ихъ въ своей вѣрѣ, уничтожали браки, совершенные по обрядамъ нашей церкви, ругались надъ могилами православныхъ? Развѣ вы думаете, что мы забыли, или забудемъ какъ доминиканецъ Овлачинскій прославившійся ненавистью къ нашей церкви, въ 1759 году возмутилъ, въ сообщничествѣ съ латинскими миссіонерамй, въ Оршѣ шляхту и жолнеровъ, какъ они разогнали народъ, остановили колокольный звонъ, и съ воплемъ ворвались въ церковь, гдѣ священнодѣйствовалъ архіерей, который едва успѣлъ спастись отъ ихъ сабель, и котораго тайно вывезли въ телегѣ, прикрывъ навозомъ? Развѣ вы думаете, что это все еще не свѣжо въ нашей памяти, и что мы не знаемъ, что всѣ эти неистовства продолжались сплошь да рядомъ до 1773 года? А булла Allatae sunt писана 26. Іюля 1755 года. Какъ же согласить эти противорѣчія.

Въ послѣднихъ тридцатыхъ годахъ было въ модѣ проповѣдывать по всѣмъ вашимъ храминамъ, что царь Николай убилъ Польшу. Полноте, такъ ли? Не сама-ли она себя зарѣзала, внимая вашимъ навѣтамъ, и слѣдуя вашимъ ученіямъ? Польшу сгубилъ папизмъ, точно и такъ какъ губите вы теперь и Ирландію, и Испанію, и Бразилію, и Мехико, и Италію, и даже самый Римъ!

Но угодно-ли вашему іезуитскому сіятельству прочесть теперь слѣдующее извлеченіе изъ исторіи введенія уніи въ Малороссію. Эти кровавые факты двухвѣковой борьбы малороссовъ противу вашего изувѣрства будутъ

лучшимъ отвѣтомъ на всѣ ваши лжи и лести, и послужатъ, можетъ статься, поучоніемъ и нашимъ охотникамъ къ перемѣнѣ вѣры, такъ себѣ, изъ тщеславія или невѣжества.

„По истребленіи гетмана Наливайки такимъ неслыханнымъ варварствомъ, вышелъ отъ сейму или отъ вельможъ, имъ управлявшихъ, такой же варварскій приговоръ и на весь народъ русскій.*)

Въ немъ объявленъ онъ отступнымъ, вѣроломнымъ и бунтливымъ и осужденъ въ рабство, преслѣдованіе и всемѣрное гоненіе. Слѣдствіемъ сего нероновскаго приговора было отлученіе навсегда депутатовъ русскихъ отъ сейма національнаго и всего рыцарства, отъ выборовъ и должностей правительственныхъ и судебныхъ, отборъ староствъ, деревень и другихъ ранговыхъ имѣній отъ всѣхъ чиновниковъ и урядниковъ русскихъ, и самихъ ихъ уничтоженіе. Рыцарство русское названо холопами, а народъ, отвергавшій унію, схизматиками.**) Во всѣ правительственные и судебные уряды малороссійскіе посланы поляки съ многочисленными штатами; города заняты

---

*) Сеймъ, какъ и всегда въ такихъ событіяхъ былъ руководимъ папскимъ нунціемъ.

**) А Гагаринъ хочетъ внушить и увѣрить, что русскіе переходили въ латинство по собственному убѣжденію. Вотъ слова іезуита: „Въ Польшѣ было два обряда, два языка, двѣ народности; перевѣсъ, разумѣется, былъ на сторонѣ поляковъ. Принимая латинскій обрядъ, грековѣрецъ (?) принималъ и польскую народность, и становился, такъ сказать, гражданиномъ господствующей націи." А о насиліи, о хитростяхъ, о подкупахъ, обо всемъ, что приводитъ въ негодованіе честнаго человѣка ни пол-слова. Вѣдь правду, мы сказали,

польскими гарнизонами, а другія селенія ихъ же войсками; имъ дана власть все то дѣлать народу русскому, что сами захотятъ и придумаютъ, а они исполняли сей наказъ съ лихвою, и что только замыслить можетъ своевольное и пьяное человѣчество дѣлали то надъ несчастнымъ народомъ русскимъ безъ угрызенія совѣсти; грабительства, насиліе женщинъ и самихъ дѣтей, побои, мучительства и убійства превзошли мѣру самыхъ непросвѣщенныхъ варваровъ. Они, почитая и называя народъ невольниками, или ясыромъ польскимъ, все его имѣніе признавали своимъ. Собиравшихся вмѣстѣ нѣсколькихъ человѣкъ для обыкновенныхъ хозяйскихъ работъ или праздненствъ, тотчасъ съ побоями разгоняли, на разговорахъ ихъ пытками истязывали, запрещая навсегда собираться и разговаривать вмѣстѣ."

Все это было въ слѣдствіе хрістіанскаго желанія папъ обратить схизматиковъ въ папитскій латинизмъ, и вотъ A. M. G. D. придумали слѣдующія хрістіанскія мѣры для окончательнаго приведенія русскихъ ко мнѣнію, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына, а главнѣе и первѣе всего къ вѣрованію, что святый отецъ папа есть глава и властелинъ церкви Хрістовой:

„Церкви русскія силою и гвалтомъ обращали на унію. Духовенство римское, разъѣзжавшее съ тріумфомъ по Малой Россіи для надсмотра и

что A. M. G. D., въ глазахъ іезуитовъ и папы все богоугодно, какъ бы оно ни было впрочемъ противно самымъ простымъ понятіямъ чести и совѣсти, не говоря уже о евангеліи.

понужденія къ уніатству, вожено было отъ церкви до церкви людьми, запряженными въ ихъ длинныя повозки по двѣнадцати человѣкъ и болѣе. На прислугу сему духовенству выбираемы были поляками красивѣйшія изъ дѣвицъ. (Вѣроятно A. M. G. D.) Русскія церкви несоглашавшихся на унію прихожанъ отданы жидамъ (гдѣ іезуиты тамъ уже навѣрное и жиды) въ аренду, (опять A. M. G. D.) и получена за всякую въ нихъ отправку денежная плата отъ одного до пяти талеровъ, а за крещеніе младенцевъ и похороны мертвыхъ отъ одного до четырехъ талеровъ. Жиды, яко непримиримые враги христіанства сіи вселенскіе бродяги и притча въ человѣчествѣ, съ восхищеніемъ принялись за такое надежное для нихъ скверноприбытчество, и тогчасъ ключи церковные и веревки колокольныя отобрали къ себѣ въ корчмы. При всякой требѣ христіанской повиненъ ктиторъ итти къ жиду торжиться съ нимъ, и по важности отправы, платить за нее и выпросить ключи; а жидъ притомъ, насмѣявшись довольно богослуженію христіанскому и прехуливши все христіанами чинимое, называя его языческимъ или, по ихъ, гойскимъ, приказывалъ ктитору возвращать ему ключи, съ клятвою, что ничего въ запись не отказано.

„Страданіе и отчаяніе народа увеличилось новымъ приключеніемъ, сдѣлавшимъ еще замѣчательную въ сей землѣ эпоху. Чиновное шляхетство малороссійское, быв-

шое въ воинскихъ и земскихъ должностяхъ, не стерпя гоненій отъ поляковъ (латинянъ) и не могши перенесть лишенія мѣстъ своихъ, а наче потерянія ранговыхъ и нажитыхъ имѣній, отложилось отъ народа своего и разными происками, посулами и дарами (A. M. G. D.) закупало знатнѣйшихъ урядниковъ римскихъ, сладило и здружило съ ними, и мало-по-малу согласилось первѣе на унію, потомъ обратилось и совсѣмъ въ католичество римское."

Но все, что мы здѣсь выписали еще ничего, это только присказка, а впереди сказка, слушайте далѣе, и узнаете какъ можно и должно вѣрить обѣщаніямъ папистовъ, да и самихъ папъ.

„Поляки (латине), отличавшіеся всегда въ условіяхъ и клятвахъ непостоянными и вѣроломными, держали трактатъ съ присягою въ Полонномъ (межу Остраницею и поляками) заключенный, наравнѣ со всѣми прежними условіями и трактами, у казаковъ съ ними бывшими, то есть въ одномъ вѣроломствѣ; а духовенство ихъ, присвоивъ себѣ непонятную власть на дѣла божескія и человѣческія опредѣляло храненіе клятвъ между одними только католиками своими, а съ другими народами бывшія у нихъ клятвы и условія всегда имъ разрѣшало и отмѣтало (A. M. G. D.), яко схизматицкія и суду Божію не подлежащія."

Читаемъ далѣе, повѣствованіе втораго гоненія малороссовъ во имя уніи:

„Разъѣзжавшія войска польскія, наполнившія всю

Малороссію, дѣлали все то надъ малороссіянами, что только хотѣли и придумать могли: всѣхъ родовъ безчинства, насилія, грабежи и тиранства, превосходящія всякое понятіе и описаніе. Они между прочимъ нѣсколько разъ повторяли производенныя въ Варшавѣ (въ присутствіи папскаго нунція и всего католическаго духовенства) лютости надъ несчастными малороссіянами, нѣсколько разъ варили въ котлахъ и сожигали на угольяхъ дѣтей ихъ въ виду родителей, предавая самихъ отцевъ лютѣйшимъ казнямъ. Наконецъ, ограбивъ всѣ церкви благочестивыя русскія, отдали ихъ въ аренду жидамъ, и утварь церковную, какъ то: потиры, дискосы, ризы, стихари и всѣ другія вещи, распродали и пропили тѣмъ же жидамъ, кои изъ серебра церковнаго подѣлали себѣ посуду и убранства, а ризы и стихари перешили на платье жидовкамъ; а сіи тѣмъ передъ хрістіанами хвастались, показывая нагрудники, на коихъ видны знаки нашитыхъ крестовъ, ими сорванныхъ. И такимъ образомъ Малороссія доведена была поляками (латинями и во имя уніи до крайняго раззоренія и подобилась тогда нѣкоему хаосу или смѣшенію, грозящему послѣднимъ разрушеніемъ. Никто изъ жителей не зналъ и не былъ обнадеженъ, кому принадлежитъ имѣніе его, семейство и самое бытіе ихъ, и долго-ли оно продлится? Всякой съ потеряніемъ имущества своего искалъ покровительства то у поповъ римскихъ и уніатскихъ, то у жидовъ, (какой святой и братскій союзъ между римскими попами и жидами, когда дѣло идетъ о грабежѣ грековѣрцевъ! вѣроятно такова рода союза заключаются A. M. G. D.), ихъ единомышленниковъ, а своихъ непри-

миримыхъ враговъ, и не могъ придумать, за что схватиться."

Не эти-то ли времена желалось бы созерцать снова вашему іезуитскому сіятельству? Оно бы славно было для васъ!

Въ четырехугольномъ колпакѣ, въ узенькомъ вашемъ кафтанчикѣ, въ одной рукѣ держа хоругвь съ огромными кровавыми буквами A. M. G. D., въ другой съ краснымъ пѣтухомъ, вы шествовали бы впереди вашей братіи и, такъ себѣ, по маленьку поглатили бы A. M. G. D. русскую церковь, измѣнили устройство ея, ввели новую иную вѣру, иные обряды, иное духовенство, и наконецъ самаго папу притащили-бы изъ Рима и выставили на поклоненіе народу на красной площади въ Москвѣ.

Тогда предстала бы предъ вами, на дѣлѣ, живѣе и прелестнѣе нежели когда либо, та мысль, которая занимаетъ васъ съ юныхъ лѣтъ; мысль, которой вы обрекли всю жизнь вашу.

Но успокойтесь, вашему іезуитскому сіятельству, никогда не видать осуществленія этихъ грезъ и мечтаній. Монархъ, коему Провидѣніе вручило судьбы вашего дорогаго отечества, выразилъ чувства и желанія, совсѣмъ и совершенно несогласныя съ вашими.

Въ дѣлѣ вѣры не играютъ и не хитрятъ; а вся ваша продѣлка подъ названіемъ и подъ предлогомъ примиренія церквей, основана на хитрости.

Такъ, вы предлагаете царю и русскому духовенству сдѣлать сдѣлку, примиреніе, съ условіемъ: признать папу, главою всея церкви, а народу молъ, о томъ и говорить

не нужно. Мы все это промежъ насъ обдѣлаемъ и обработаемъ, а народъ-де, скотъ безсловесный, ничего и не замѣтитъ и будетъ думать, что все по старому. Такъ, хитростью, ложью, обманомъ, лестію, подобно татямъ въ ночную пору вы смѣете, бездѣльнически, предлагать, царю и русскому духовенству, сгубить цѣлое государство, *нѣсколько милліонъ людей*, еще вѣрующихъ въ Бога, въ Христа, въ Духа Святаго, въ безсмертіе души и въ будущую жизнь человѣчества!

До чего доводитъ отступничество!

Какъ же не помыслило ваше іезуитское сіятельство, что предложеніе царю, такой мошеннической сдѣлки, есть подлое и низкое оскорбленіе. Какъ ваше іезуитское сіятельство не подумало, что царь, русскій человѣкъ, и что вся его жизнь такъ свѣтла, такъ чиста, что еще нѣтъ повода подумать, что Александръ IIй, согласится быть злодѣемъ и карманнымъ воромъ A. M. G. D.? Какъ же не пришло вамъ въ голову, что то, что могутъ дѣлать другія царствующія лица, того русскому царю не къ лицу и не къ мѣсту, и что въ тотъ день, въ тотъ часъ, что русскій царь, могъ бы забыть свое достоинство, что онъ, какъ и всѣ мы, образъ и подобіе божіе, и могъ бы унизиться до такой степени, что сталъ бы играть вѣрою, убѣжденіями, всѣмъ, что только свято для насъ, ему царемъ нашимъ болѣе не льзя быть?

Да и съ какой стати вы осмѣлились дѣлать то же предложеніе и нашему духовенству? Развѣ вы не знаете или забыли, что русское духовенство, не есть же наконецъ какое-то бездомное, безотчизненное, безсемейное, длинно-

хвостое духовное цыганство, бродящее, подобно черной стаѣ воронъ, изъ одной земли въ другую, подъ предлогомъ насенія стада Христова? Какъ вы не вспомнили, что, отъ митрополита до послѣдняго ктитора, требуется прежде всего, и окромѣ любви къ Богу, къ ближнему, къ истинѣ, къ родинѣ, еще и вѣрность присягѣ и отечеству?

Къ чему приписать столь гнусное предложеніе Гагарина царю и русскому духовенству?

Покойный царь высказалъ, что онъ думалъ объ отступничествѣ князя Гагарина; но мы не думали, что-бы глупость и дурачество, могли дойти до крайней подлости и низости.

Да, грустно подумать, что могутъ быть русскіе подобные тому, о которомъ здѣсь рѣчь ведется. Душно, тѣсно русской широкой груди купаться въ омутѣ житейскомъ, но еще душнѣе, еще тѣснѣе при мысли, о предлагаемыхъ намъ новыхъ оковахъ папизма.

Нѣтъ, нѣтъ, тысяча, милліонъ разъ нѣтъ, вы не поняли, не понимаете и не поймете никогда, что такое православіе.

Не оно-ли насъ спасло отъ трехвѣковаго татарскаго ига? Не оно ли, въ лицахъ Ослябы и Пересвѣта, сразилось на кровавомъ мамаевскомъ побоищѣ въ куликовомъ полѣ?

Не оно-ли спасло насъ отъ придуманной ляхами уніи, и не оно-ли намъ помогло, послѣ пятивѣковой страшной борьбы, уничтожить замыслы этихъ же ляховъ, стереть нашу народность съ лица земли?

Не оно-ли спасло насъ отъ Гришки Отрепьева, ни-

томца и любимца іезуитовъ, и отъ срамнаго позора развратиться въ папизмъ по волѣ негодяя — выходца изъ общества Іисусова?

Не оно-ли, спасло насъ въ 1612 году, въ лицѣ Ивана Сусанина, простаго мужичка, согласившаго ся пасть подъ ножами, устремленныхъ противу Михаила, избраннаго царя православнаго, на мѣсто Владислава паписта?

Не оно-ли отразило реформацію, въ лицѣ Карла XII., на поляхъ Полтавы, и не оно-ли въ 1812 году предало на всесожженіе Москву, и сломило силу гиганта-завоевателя, поработившаго остальную Европу своей желѣзной, деспотической волѣ?

Не оно-ли взяло Варшаву и окончательно рѣшило споръ, чѣмъ быть Россіи, православною или папистскою?

Не оно-ли наконецъ отражало четырнадцать мѣсяцевъ подъ Севастополемъ натискъ папизма въ союзѣ съ Магометомъ и реформою?

Да: куликово поле, красная площадь въ Москвѣ, костромскія лѣса, полтавская битва, пожаръ Москвы, взятіе Варшавы, уничтоженіе уніи, защита Севастополя, вотъ страницы изъ нашей исторіи, вотъ факты изъ нашей народной жизни, при которыхъ сильно бьется богатырское русское сердце и невольно подымается крѣпкая, жилистая рука на знаменіе на груди, православнаго креста! . . . .

И вы думаете, вы и мечтаете, что все это забыто для насъ, что все это совершилось такъ себѣ, всуе! И вы хотите, что бы мы православные, русскіе, христіане, человѣки, промѣняли-бы мономаховъ вѣнецъ на — перепрѣлую

старую, изношенную, разъѣхавшуюся, папскую туфлю?!??!!!....

И скажите, греки, о которыхъ вы упоминаете столь презрительно, эти греки, которыхъ вы поносите и ругаете, на которыхъ вы такъ клевещете, не показали-ли они намъ какъ долженъ и можетъ умирать православный народъ! О донъ Базиліо Гагаринъ! вамъ бы право кстати пѣть знаменитую „la calomnia", на площадяхъ Парижа. Доходецъ славный бы былъ A. M. G. D. для вашей братіи!

Не рука-ли Провидѣнія въ этомъ громадномъ, историческомъ фактѣ паденія Византіи? Византія, дотолѣ единственная опора православія падаетъ при рукоплесканіяхъ папы и всего латинства. Кончено; кто теперь противу святаго папы и его святой шайки? На радостяхъ и съ кроваваго похмѣлья константинопольскаго разгрома помутились глаза всей римской поповщины.

А тамъ, вонъ тамъ, далеко отъ васъ, среди, дикихъ, дебрей, непроходимыхъ лѣсовъ и снѣжныхъ тундръ воскресаетъ православіе въ лицѣ варварскаго, но новаго, юнаго, молодаго, живучаго, сильнаго, крѣпкаго и могучаго государства, котораго задачу на историческомъ поприщѣ народовъ, никто еще не разгадалъ.

И не прошло ста лѣтъ, а вотъ возникъ нѣмецкій, бѣглый, грубый, необтесанный монахъ, и онъ своимъ могучимъ, горячимъ, живымъ, энергическимъ словомъ колеблетъ папскую власть и потрясаетъ сильною логикою священнаго писанія духовное обаяніе, подъ которымъ на-

пизмъ уже полтысяча лѣтъ заставлялъ трепетать передъ собою одурманенную Европу.

И не проходитъ еще двухъ сотъ лѣтъ, и вотъ является французъ, іезуитскій воспитанникъ и питомецъ, и онъ своимъ искристымъ, легкимъ, вышолированнымъ, жгучимъ, ѣдкимъ, насмѣшливымъ, язвительнымъ и удивительно учтивымъ словомъ, уничтожаетъ и разрушаетъ навсегда папистское прельщеніе.

И вотъ, не проходитъ еще разъ ста лѣтъ, и бывшій простой типографскій наборщикъ, неумолимою логикою разума разметываетъ на всѣ четыре стороны послѣдніе остатки и прахъ римскаго католицизма:

Requiescat in pace! и того сказать нельзя ....

Какъ и всякій странникъ мы любимъ останавливаться предъ развалинами прошлыхъ вѣковъ. Мы вглядывались въ развалины папской системы, и насъ охватывалъ невольный страхъ при взглядѣ на этотъ гигантскій остовъ, *отъ котораго уцѣлѣли лишь какія то* маленькія, однообразныя, микроскопическія фигурки, долженствующія изображать формы нѣкогда столь страшной системы. Въ нихъ все какъ-то наго, блѣдно, мелкостно. Духу *становится* непріятно, онъ мучается и не находитъ причины мученія. Все, что еще осталось наружнаго отъ папства, походитъ на нѣчто балаганное, какъ и самые капуцины и іезуиты нашихъ временъ, походятъ на площадныхъ шутовъ. Вслушайтесь въ духовныя рѣчи и слова, прочтите сочиненія богословскія католиковъ-папистовъ, и васъ обдаетъ какимъ-то холоднымъ потомъ негодованія, смѣшаннаго съ чувствомъ сожалѣнія. Но

поволѣ напоминаютъ они намъ рѣчи продавца карандашей, Манжэнъ, или и другихъ шарлатановъ и кривлякъ, таскающихся по площадкамъ и закоулкамъ Парижа, и потѣшающихъ народъ, за нѣсколько сантимовъ, арлекинскими остротами. Кто не видѣлъ, не слышалъ, не читалъ этихъ шуточныхъ жалкихъ, и рѣчей, и книжонокъ, сеинъ тотъ не повѣритъ до какой степени палъ латинизмъ и папизмъ. И что всего жалчѣе, что самый народъ этому смѣясь и хуля, рукоплещетъ — и остается довольнымъ.

Что же дѣлать? Кара и наказаніе божіе налегли страшно на весь западъ, и кто знаетъ, сколько времени все это еще продолжится. А вы, предлагаете намъ, соединиться съ вами, примириться, и увѣряете, что васъ побуждаютъ къ тому какія-то святыя чувства любви къ дорогому отечеству. Вы увѣряете, что для насъ только и есть спасеніе въ этой сдѣлкѣ. Спасеніе отъ чего, отъ кого, отъ какой опасности?

Нѣтъ, ваше іезуитское сіятельство, что тамъ себѣ не толкуйте, а что бы спасти насъ отъ такаго жалкаго упадка духа, намъ стоитъ только придерживаться вѣрѣ нашихъ отцовъ. Для нашей народной жизни, для нашего личнаго достоинства необходимы три условія:

Православіе, еще православіе, всегда православіе!

На тя Господи уповахомъ, да не посрамимся!

Цѣль моего памфлота, прекратить если возможно возникающее словопрѣніе не доводящее никогда къ добру. Мы уже сказали и повторяемъ еще разъ, оставайтесь при

своемъ, пока сможете, а насъ не трогайте и оставьте при нашемъ. Вѣдь вы сами увѣряете, что все это дѣло мнѣнія; что такъ или иначе вѣрить, такъ или иначе признавать то или другое, что все это, только, и не болѣе, какъ мнѣніе: такъ о чемъ же тутъ и хлопотать? Вы оставайтесь при своемъ мнѣніи, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и отъ Сына, а мы останемся при своей вѣрѣ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца; вы оставайтесь при своей вѣрѣ, что папа намѣстникъ божій, и властелинъ церкви, и глава всего христіанскаго міра, и подставной рекрутъ Христа и все, что вамъ угодно; а насъ оставьте при своемъ мнѣніи, что все это не только вздоръ и пустяки, но и богохульство, и мерзость.

И такъ, не увѣряйте, ради стыда изобличенія во лжи и лести, что примиреніе не только возможно, но и легко;

Не увѣряйте, и не лгите, что вы не желаете измѣнять устройства русской церкви, ввести иную вѣру, *иные обряды, иное духовенство*;

Не увѣряйте, и не льстите, что въ глазахъ Рима, русскіе епископы — истинные епископы; русскіе священники — истинные священники; приносимая ими на алтаряхъ жертва, т. е. тѣло и кровь Господа нашего Іисуса Христа, также истинна;

Не увѣряйте, и не старайтесь доказывать всуе, что въ устройствѣ русской церкви есть плачевныя искаженія, введенныя противузаконными посягательствами мірской власти;

Не увѣряйте, и не фарисейте, глаголя непрестанно, что дѣло затѣянное вами клонитъ не къ поглощенію русской церкви римскою, а просто къ примиренію;

Не увѣряйте, и не морочте какими-то выгодами, соединенными съ примиреніемъ, вами предлагаемымъ;

Не увѣряйте, и не выказывайте своего невѣжества, утверждая, что для русскаго человѣка обрядъ занимаетъ первое мѣсто въ дѣлѣ вѣры;

Не увѣряйте, и не искажайте истины, а скажите прямо, чего вы хотите и чего домогаетесь?

Вы чуете злыя, страшныя времена окончательнаго расчета между вами и народами, которыхъ дурачили и жмете теперь подъ гнетомъ какой то уродливой системы. Вы лучше насъ знаете, что для васъ настаютъ послѣднія времена, и что страшная буря угрожаетъ вамъ, что скоро не будетъ для васъ, ни притона, ни клочка земли, ни куска хлѣба. Правосудіе небесное нагрянетъ на васъ и тогда — — — — —

Хлѣба чтоль вамъ нужно?

Али денегъ?

Али земельки?

Да совѣстно по просту попросить, Христа ради? И что за совѣсть такая? Лучше выпросить милостиню, чѣмъ желать обобрать нашу церковь, какъ ваша братія обобрала бѣдную Хлопову, которую вы развратили, превратили и обратили, и пустили католичкою на парижскую мостовую, аки блага, аки нага.

Пожалуй и хлѣба на голодъ вашъ дадимъ;

Пожалуй и копеечку про вашу бѣдность подадимъ;

Пожалуй и земельки клочекъ отведемъ.

Вѣдь въ Сибири простору хоть куда, живите, да

работайте, да поживайте. Да чуръ ужъ народъ не мутить, а то съ русскимъ мужикомъ плоха шутка.

Да ужъ ну васъ! коли на то пошло, то пожалуй себѣ, на сѣверной оконечности Новой Земли и епархію-то святому отцу папѣ вырѣжемъ про черный день, когда снова придется дать тяги изъ вѣчнаго Рима. Только туфоль нѣтъ, а лапти дадимъ. —

Но все таки извините, а іезуитовъ, даже самыхъ сіятельнѣйшихъ не пустимъ. Вѣдь старикъ Крыловъ не даромъ насъ училъ, что Ваську де, не только, что въ поварьню, да и на дворъ пускать не должно! . . .

Все зло на западѣ, произошло отъ смѣшенія и путаницы понятій и именованій, а въ особенности отъ искаженія истины и уродливаго затѣя, вмѣсто чистаго, яснаго, духовнаго Слова Божія подставить цѣлую систему, въ которую внесли и втянули всѣ вопросы политическіе, общественные и догматическіе.

Такимъ образомъ никакъ не разберешь, что такое церковь, что такое духовенство? И что такое правительство, что такое народъ? Вездѣ недоумѣніе, вездѣ недоразумѣніе, вездѣ софизмы и парадоксы, а вверху всего разглагольствованіе и лжемудрствованіе. Спорятъ, ссорятся, ругаются, вздорятъ, шумятъ, дерутся, льютъ потоками кровь, пока кто-нибудь поотважнѣе да посмѣлѣе не нагрянетъ и правомъ сильнаго, провозглашая

себя закономъ, порядкомъ, нравственностью, и на посмѣяніе рода человѣческаго, свободою и религіею, не зажметъ крѣпкою рукою рта, и не свяжетъ всѣхъ и каждаго по рукамъ и по ногамъ. Fiat lux! —

И по видимому порядокъ, тишина, спокойствіе, довѣріе и истина возстановлены. Система штыковая, полицейская и поповская одержали побѣду. Побѣдители, объявляютъ во имя божія и желанія народнаго, что правительство есть законъ, порядокъ и свобода; что папа есть религія, а его духовенство въ союзѣ съ полиціею и со штыками — нравственность. Правительство, пародируя Лудовика XIV глаголетъ: „Государство, я!“ и куда щука съ хвостомъ, туда и ракъ съ клещнемъ, папа кричитъ: „церковь, я!“ Духовенство съ умиленіемъ провозглашаетъ: „приходъ, мнѣ!“ А народу и вѣрующимъ, если они еще есть, объясняютъ логикою штыковъ и полицейскихъ трехуголокъ, что они „расходъ!“ и безбожно, безнаказанно, насильно, нагло тянутъ съ нихъ послѣднюю каплю крови и пота. Потомъ служатъ молебствія, задаютъ иллюминаціи, дѣлаютъ смотры, пируютъ, гуляютъ, цалуются, плачутъ отъ ухмиленія, и подкупленные писатели и журналисты, во всеуслышаніе утверждаютъ: „общество спасено!“ Въ слѣдъ за тѣмъ льютъ потоки крови безъ нужды, безъ пользы, и гласятъ: „цивилизація спасена!“ Наконецъ начинаются вездѣ ломки, постройки, переломки, перестройки, вѣдь все это доказываетъ гоголевскую дѣятельность правительства, и счастіе, и благоденствіе народа! ....

Въ самомъ дѣлѣ, все идетъ какъ нельзя лучше. Об-

щество уцѣлѣло, цивилизацію отстояли, и церковь папистская горланитъ во весь народъ: „Кто противу Бога и его великаго намѣстника папы!“ Банкиры накопляютъ миліончики за миліончиками; духовенство многочисленно, богато, въ уваженіи, жирѣетъ, и солдаты и жажалью съ нимъ прогуливаются рука объ руку. Науки — ну ихъ, вѣдь все зло произошло отъ науки и знанія. Долой классиковъ, въ помойную яму точащаго червяка; долой Миньета, Мишелета, Кине; въ острогъ, въ рабочіе дома всѣхъ писателей, всѣхъ людей съ умомъ, съ сердцемъ, съ дарованіемъ, они портятъ все то, что такъ хорошо улажено во имя божіе и папы, и милостію божіею, и волею народною. Папа свирѣпѣетъ, и во имя Хріста, отымаетъ дѣтей у матерей, и благословляетъ urbis et orbis! Спросите у самаго императора французовъ, кого ему труднѣе сдерживать въ настоящее время: папу и его духовенство, или народъ?

А народъ то что же? А народъ смотритъ, молчитъ, работаетъ, умираетъ по прежнему съ голода и съ холода, терпитъ, тупѣетъ, дичаетъ, свирѣпѣетъ ....

Господа, до новаго разгрома! Его никакъ не миновать!

Вѣдь матеріальная сила, штыковая-ли, туфельная-ли, все же матеріальная сила. А матерія проходяща — а Духъ Святый все таки непреходенъ, истиненъ и потому вѣченъ; и духъ и идея Хріста въ силу этого то предвѣчнаго закона все же живетъ и подвигается впередъ. Ближе и ближе тѣ времена, въ которыя будутъ „единъ пастырь, Господь Іисусъ Хрістосъ, и едино стадо,

его истинная, нераздѣльная, всемірная церковь хрістіанская!...."

Да, церковь основана и установлена не только на единствѣ главы, самаго Хріста, не только на духовномъ всеединствѣ всѣхъ человѣкъ и всѣхъ языковъ, но еще и на равенствѣ духовномъ, т. е. на равенствѣ безъ исключеній, безъ условій, безъ сословій, безъ разрядовъ, безъ исключительныхъ правъ, безъ классовъ, безъ кастъ, безъ состояній, безъ языковъ, безъ нарѣчій, безъ мѣстностей, безъ народностей.

Апостолы вышли изъ ученія — всѣ равные. Евангельская исторія, исторія апостольскихъ временъ, *исторія первобытной церкви Хрістовой*, тому непреложная порука, неопровержимое доказательство. Всѣ апостолы равны, всѣ воспріяли единое ученіе, единое начало, единъ Духъ Святый, единую вѣру, единую истину, единое знаніе, единую *силу*, единое *назначеніе*, и *всѣ* равно расходятся возвѣщать, единаго Бога, единаго Хріста Спасителя, единый даръ Духа Святаго, единую благую вѣсть освобожденія міра отъ грѣха, и отъ оковъ, и отъ узъ незнанія, лжи, невѣрія, слабостей и предразсудковъ каковы бы они ни были. Вездѣ благая вѣсть уничтожаетъ всѣ системы политическія, общественныя, философскія, религіозныя, налагаемыхъ на человѣка и на народы съ одною цѣлью, дабы ничтожному меньшинству жить на счетъ несчастнаго большинства.

Оттуда-то и произошла пословица: съ міру по ниточкѣ, а голинькому рубашечка.

Первобытная церковь является на земле враждебною міру, ибо она уничтожаетъ и низвергаетъ старыя понятія о неравенствахъ всякаго рода, но въ особенности она уничтожаетъ различіе между племенами и нарѣчіями. Все это совершается съ точною, математическою логикою, вотъ уже скоро восемьнадцать столѣтій. Вездѣ совершается процессъ перерожденія и возрожденія для всемірнаго, новаго, высшаго и совершеннѣйшаго духовнаго единства человѣческаго. Порохъ уничтожаетъ силу кулака; компасъ раздвигаетъ предѣлы и уничтожаетъ ихъ; книгопечатаніе распространяетъ новыя идеи; библейское общество разноситъ слово божіе повсюду; паръ низлагаетъ пространства; наука и знаніе развиваются — и отрицательно-ли, утвердительно-ли, все подводится къ одному знаменателю, а именно: что истина въ ученіи Христа, что свобода, и равенство, и братство, начертаны неизгладимыми буквами въ евангеліи, и что все это осуществляется въ единой церкви Христа. Вотъ слѣдствія ученія Христова, вотъ слѣдствія главизны его церкви вселенской, вотъ слѣдствія единой, истинной, возможной, духовной системы самаго Бога! И все низвергается и рушится передъ этою всевѣчною системою божіею. Тутъ дѣйствуетъ Духъ Святый, безъ всякой жалкой, глупо-систематической обстановки разныхъ мѣръ правительственныхъ, столь противныхъ толпѣ!

Еще разъ, апостолы всѣ равны, — и всѣ дѣйствовали равносильно, и все что они совершили, и все что еще и доселѣ совершается во имя Христа, совершается на перекоръ мірскимъ властямъ и папской

системы, и именно потому, что въ этой вселенской церкви единый, духовный, божественный глава, Хрістосъ, сынъ Бога живаго, и что всѣ мы, безъ исключенія, безъ изъятій, безъ разрядовъ, подъ руководствомъ нашихъ епископовъ и священниковъ, составляемъ вкупѣ съ учителями нашими, церковь божію.

Вотъ ученіе Хріста-Спасителя, такъ какъ видимъ и узнаемъ его изъ евангелія, такъ какъ передали намъ его вселенскіе отцы, и такъ наконецъ какъ приняло, и признаетъ, и истолковываетъ его намъ — **православіе**.

Возраженія и іезуитскія дилеммы тутъ невозможны. Оно, — или такъ, — или не такъ. Да, или нѣтъ. Объясненій, *поясненій, истолкованій*, разъясненій тутъ также не нужно. Хрістосъ все объяснилъ, пояснилъ, истолковалъ, разъяснилъ, опредѣлилъ, обозначилъ, утвердилъ, и запечатлѣлъ своею кровью. Придерживаясь буквально и *духовно* его ученію, въ православіи не находимъ тѣхъ безсмысленныхъ и уродливыхъ противорѣчій, которыя встрѣчаются на каждомъ шагу въ папистской системѣ. Вотъ почему намъ, мужикамъ, безграмотнымъ людямъ, все удобопостижимо, близко къ духу, тепло на сердцѣ. У насъ нѣтъ татарскаго делай-ламизма, ниже римскаго папизма, которые сжимаютъ міръ и высасываютъ изъ человѣчества жизнь духовную. Намъ православіе истолковываетъ ученіе Хрістово, и объясняетъ, что церковь есть церковь, а не политическое постановленіе, и не общественная игрушка. Православіе истолковываетъ нравственную сторону ученія Хріста, которое должно служить приложеніемъ къ положительной жизни, но не навязываетъ

намъ того, и не принуждаетъ насъ вѣрить тому, чего и чему мы не способны вѣровать. Однимъ словомъ православіе какъ мы его понимаемъ, есть выраженіе высшаго, духовнаго первообраза демократіи, котораго сводъ законовъ — евангеліе, исполнительная власть — духовенство, а глава и управляющая власть — самъ Христосъ.

Довольно причинъ для ненависти и боязни іезуитамъ. И вотъ почему они такъ клевещутъ, и по возможности гонятъ вездѣ православіе.

Весь этотъ характеръ духовной демократіи отразился и на наше духовенство, въ особенности на бѣлое. Члены церкви Христовой, какъ и всѣ мы, наше духовенство несетъ свой крестъ и бремя, наложенные на нихъ, съ спокойнымъ, кроткимъ, не крамольнымъ духомъ. И патріархи, и митрополиты, и архіепископы, и епископы, и іереи, и наконецъ діаконы и ктиторы — всѣ равны передъ закономъ Христа. Одно только неравенство дѣйствительно существуетъ между ними и нами: чѣмъ выше іерархическій санъ, тѣмъ болѣе и отвѣтственности. И все это чиноначаліе есть только исполнительное, поучительное и административное, и единъ ихъ глава, какъ и всѣхъ насъ, Христосъ, и ни одинъ изъ насъ, и ни одинъ изъ духовенства, *ни индивидуально, ниже соборнѣ* не смѣютъ посягнуть на догматы установленные самимъ Христомъ въ евангеліи, ниже выдумывать догматовъ, никогда не выраженныхъ въ евангеліи.

Отъ того въ обществахъ и государствахъ принадлежащихъ православію находимъ вездѣ единство не-

проворжимое, непоколебимое. Единъ Хрістосъ, единъ глава, едина вѣра, едино тѣло! И передъ православіемъ исчезаютъ и расточаются въ прахъ всякій духъ народности, всякая правительственная, полицейская, папская, поповская и іезуитская систематичность! ....

Посмотримъ теперь, то ли же мы видимъ въ папистской системѣ.

Племена и нарѣчія сильнѣе и сильнѣе обрисовываются и обозначаются, такъ, что если бы не Духъ Святый, оживляющій все человѣчество, то при всякомъ случайномъ, или расчитанномъ столкновеніи кровь, слезы, лились бы потоками. Дикая, неукротимая ненависть между Французомъ и Англичаниномъ, жалкое, смѣшное, мелкостное соперничество между мелкоцарственными германскими государствишками, и ужаснѣйшее, ничѣмъ не смягчающееся презрѣніе всѣхъ, къ италіанцамъ вообще, и къ римлянамъ въ особенности.

Процессъ перерожденія и возрожденія совершается среди ужаснѣйшихъ болей и потрясеній. Цѣлыя поколѣнія исчезаютъ и стираются безполезно съ лица земли для какихъ-то общественныхъ и религіозныхъ системъ. Вездѣ, на перекоръ правительствамъ и папству успѣхъ ползетъ въ кровавой грязи. Нѣтъ всемірности дѣйствія къ тому новому, высшему, совершеннѣйшему единству, къ которому въ силу законовъ божіихъ стремится все человѣчество. Поэтому

французская первая революція, этотъ гигантскій, могучій, удивительный порывъ къ лучшему, не имѣетъ полнаго успѣха, и уничтожается штыками, руководимые иностранцемъ-выходцемъ, и тайными заговорами духовенства, и постыдными происками іезуитизма. Ученіе Христа до того искажено, что надъ нимъ не только надсмѣхаются, но даже отрицаютъ въ немъ нравственное начало и духовную сторону. Систематическая, религіозная обстановка полицейскихъ и штыковыхъ мѣръ, во имя папы и его церкви, приводитъ въ содроганіе и бѣшенство цѣлые народы. Истиннаго главу духовной жизни всѣ забыли, и не смотря ни на баррикады и на штыки, на штыки и на баррикады, и опять на штыки, вездѣ и повсюду волненіе и ужасъ, порывы къ лучшему и обезсиленіе, и усталость, и проклятіе на устахъ всѣхъ и каждаго. Вездѣ нравственный безпорядокъ, вездѣ хаосъ противорѣчій. Мірская власть, то попираетъ подъ ноги папство и рветъ шпорами его духовный кафтанъ, то папство въ отомщеніе прикидывается либераломъ и разметаетъ въ пыль весь старый дрязгъ роялизма. Мірская власть, папистская система, то ругаются, то мирятся, то опять, и снова ссорятся, на посмѣяніе толпы. Нѣтъ церкви, нѣтъ единства духовнаго, нѣтъ главенства признаннаго всѣми и каждымъ; нѣтъ ничего, окромѣ разобщенныхъ правительствъ, окромѣ осмѣяннаго втайнѣ или открыто папства, окромѣ толпы, съ оборванными лохмотьями вѣрованій, надеждъ, и любви, — и между сими двумя крайностями, правительствомъ и толпою, — безсовѣстное меньшинство, торгующее своею совѣстью съ аукціоннаго

торгу штыковъ, и продающее честь и достоинство человѣческое первому вооруженному жандарму, который въ силу силы физической и хитростью іезуитства, и сдерживаетъ съ грѣхомъ по поламъ и кое-какъ, до поры и до времени новый, страшный взрывъ, готовящійся въ тайнахъ сердца и ума народовъ. И послѣ этого взрыва, что останется? ....

Ничего ....

Ничего, хотѣли мы было сказать! Но богохульствовать на Духъ Святый, исходящаго отъ Отца, не станемъ. Изъ этого ужаснаго броженія, изъ этого нравственнаго хаоса, что-нибудъ да выйдетъ. Да только уже не папистскій католицизмъ.

Вотъ вамъ положеніе, не только всей Франціи, но и Испаніи, но и Португаліи, но и Италіи, но и Ирландіи, но и всѣхъ мелкоцарственныхъ германскихъ земель, но и Мехико, но и Бразиліи, но и Перу но и самаго Рима, но и всѣхъ странъ, всѣхъ безъ изключенія, гдѣ только папистскій католицизмъ опирается во имя папы на штыки и на шитые нумерные воротники полиціи. Смотрите, Польшу вы уже сгубили, и на совѣсти вашей уже лежитъ страшное преступленіе народоубійства! ....

Возраженія и тутъ невозможны. Факты, неумолимые факты, какъ клеймо на каиновомъ челѣ, вездѣ съ вами, всегда съ вами и изобличаютъ васъ на каждомъ шагу. И всякъ, завидя васъ и клеймо проклятія на вашемъ челѣ, отворачивается съ содроганіемъ, и сторонится въ сторону.

Вотъ чего вы добились вашею папистскою системою,

вотъ плоды вашего изувѣрства, подовѣрства и перевѣрства; вотъ почему на западѣ иго религіозное въ тягость каждому, и въ омерзѣніе всѣмъ; вотъ почему эгоизмъ, недовѣрчивость, злость, ненависть и опьяненіе всѣхъ страстей земныхъ въ сердцѣ, въ помыслахъ, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ дѣйствіи, когда идетъ дѣло о васъ и о папизмѣ.

То же самое и у татаръ, гдѣ делай-ламизмъ играетъ ту же роль, что папизмъ на западѣ. Вѣдь вы не истолковываете ученія Христа, а искажаете его, и навязываете, и хотите принужденіемъ заставить вѣрить тому, что невѣроятно и противно разуму, сердцу, духу всякаго человѣка и всѣхъ народовъ.

Въ понятіяхъ запада, папистскій католицизмъ есть выраженіе духовнаго деспотизма, алчущаго добиться и свѣтскихъ выгодъ, и мірскаго тиранства. И смѣшавъ понятіе объ истинной церкви съ папизмомъ, негодуютъ не только на католицизмъ, но и на самое христіанское начало. Притязанія папъ на главенство и на владычество надъ церковью, затмили свѣтлое солнце Христова ученія. Да какое вамъ до этого дѣло? Лишь бы офиціально папу признавали главою церкви, а тамъ себѣ и посмѣивайся, и пожалуй и не признавай. И въ дѣйствительности надъ самимъ папою, надъ его притязаніями, надъ іезуитами, надъ всѣмъ духовенствомъ, надъ всею системою безпощадно и сильно играютъ словами, и дико смѣются. Въ среднихъ вѣкахъ было то-же самое, только тогда жгли противниковъ и насмѣшниковъ, а теперь жечь не велятъ.

И весь этотъ папистскій, антихристіанскій духъ отражается на все западное духовенство. Всѣ духовные западнаго общества, подобно паріямъ индѣйскимъ, живутъ отдѣльною, отчужденною жизнію. Ихъ не только ненавидятъ, но до того презираютъ, что въ большей части обществъ и семейныхъ кружковъ, объ нихъ даже никогда и рѣчи не ведутъ. На папу, на архіепископовъ, на епископовъ, на іереевъ смотрятъ какъ на какихъ-то дикарей, какъ на страшно смѣшныхъ пугалъ, а чаще всего какъ на замаскированныхъ духовныхъ шутовъ. И чѣмъ выше стоитъ духовная особа въ достоинствѣ духовной іерархіи, тѣмъ безпощаднѣе, тѣмъ непреклоннѣе, тѣмъ презрительнѣе ненависть къ ней.

И грустно, и страшно подумать о послѣдствіяхъ такого положенія духовенства католическаго. Есть между ними люди съ сердцемъ, съ умомъ, съ дарованіями, съ любовью къ человѣчеству, съ надеждою на будущность человѣчества, съ вѣрою въ Бога, во Христа, въ Духа Святаго, но и ихъ несчастныхъ охватила ненависть смѣшавъ съ папизмомъ, и на нихъ произнесено народами страшное: „анаѳема“. И они своею неповинною кровью, будутъ платить за страшный грѣхъ Рима, погубившаго и губящаго еще столько милліоновъ людей!

Страшна кара божія, страшный будетъ расчетъ, и страшенъ будетъ голосъ, который произнесетъ обличительныя надъ Римомъ слово:

„Народоубійца!“

Два году тому назадъ я былъ по своимъ дѣламъ въ ***. Вечеромъ сидѣлъ я въ кофейной, куда собралось много изъ мужиковъ мѣсточка. Пронесся вдругъ слухъ: „Парижскаго архіепископа Сибура убилъ въ церкви, во время службы, попъ Вержеcъ.“ На минуту говоръ стихъ, и одинъ изъ мужичковъ, почтенный, сѣдой старецъ, глава многочисленнаго семейства, уважаемый и любимый всѣми за чистоту нравовъ, неукоризненную жизнь и прямизну характера воскликнулъ, всплѣснувъ руками:

„Вотъ-те на, волки рѣжутъ другъ друга!“ —

Тѣмъ и кончилась надгробная рѣчь монсиньору Сибуру, и всѣ какъ будто ни въ чемъ не бывало снова принялись громко и весело толковать о собственныхъ дѣлахъ.

Я сидѣлъ на палубѣ англійскаго парахода быстро несшагося къ Довру. На этотъ разъ море было гладкое, хоть шаромъ покати, много пассажировъ собралось кучками. Одинъ кружокъ былъ замѣчательнѣе всѣхъ живостью разговора, я присталъ къ нему и вслушался въ рѣчи; дѣло шло о папѣ и о ново-выдуманномъ имъ догматѣ. Разговаривавшіе по видимому принадлежали къ сословію образованныхъ людей. Одинъ изъ путешественниковъ выразился такъ:

„Господа, новый догматъ выдуманъ и придуманъ съ цѣлью, во первыхъ, чтобы узнать, какъ приметъ

его свѣтъ; во вторыхъ, чтобы доказать еще разъ непогрѣшимость папскую и власть его надъ дѣлами вѣры. Духовенство смолчало — и приняло, за исключеніемъ двухъ или трехъ человѣкъ, новый догматъ, безъ всякаго прекословія. Мы же, — да кто изъ насъ вѣритъ, такимъ глупостямъ и пустякамъ. Но вотъ въ чемъ дѣло, скуфейщики пересолили огурецъ. Всякій изъ насъ знаетъ, что существуетъ поговорка: appeler du pape au concile. Впрочемъ, если бы даже и собрали соборъ по поводу этого новаго догмата, не могу повѣрить, что бы ученые, умные, чистые и свѣтлые, умомъ и сердцемъ люди, попы ли они, или нѣтъ, могли бы рѣшиться разбирать истинность и нравственную сторону новаго ученія. Въ немъ сально отражается неутолимое похабство пресыщеннаго скуфейщика, роющагося воображеніемъ въ прелестяхъ юной, красивой, безпорочной дѣвы."

Я поникъ головою. Въ послѣдствіи мнѣ нечаянно попались письма іезуита Гагарина къ русской дамѣ о непорочномъ зачатіи — и я удостовѣрился въ справедливости сужденія путешественника.

Вотъ два факта. Выводите сами изъ нихъ заключеніе.

Откровенно сознаемся, какъ не старались мы объяснить себѣ слѣдующія слова іезуита Гагарина:

„И такъ, съ одной стороны, единству церкви, угро-

жаетъ непомѣрный духъ народности; съ другой, ея свободѣ грозятъ притязанія и посягательства свѣтской *власти;*“

мы ровно ничего не поняли.

Что тутъ общаго между духомъ народности и единствомъ церкви?

И какъ можетъ свѣтская власть угрожать свободѣ церкви?

Народность, какова бы она ни была, есть личная особенность человѣка и итоговая личность людей, говорящихъ однимъ языкомъ, связанныхъ узами историческаго родства. Церковь не входитъ въ эти совершенно матеріальныя подробности. Своимъ духовнымъ единствомъ, она стираетъ эти особенности, научая, что всѣ мы дѣти единаго Отца небеснаго, и внушая намъ, что мы должны другъ друга любить какъ братья любятъ братьевъ. Всѣхъ она нравственно и духовно, проникаетъ мыслію и желаніемъ, дабы не было народностей и различія племенъ, во сколько это возможно на этой землѣ. Не народность тутъ угрожаетъ единству церкви, а напротивъ церковь ниспровергаетъ народностямъ. Церковь, вселяя въ насъ желаніе духовнаго улучшенія, вселяетъ въ насъ и желанія *общественныхъ,* политическихъ, всѣхъ возможныхъ улучшеній. Она готовитъ насъ, именно по духу Христа, быть не исключительно русскими, англичанами или французами, а *братьями всѣхъ и каждаго. Желаніе улучшеній ведетъ* къ единству, т. е. къ высшей точкѣ исполненія предсказанія Христа, единаго пастыря и единаго стада.

И какъ узки и мелки ваши понятія о церкви. Кто

же можетъ разставить границы церкви Хрістовой, и кто можетъ ей сказать: далѣе ты не пойдешь. Гдѣ та власть, могущая ее связать, умалить, уничтожить?

Развѣ, отложеніемъ какого нибудъ народа отъ церкви и отъ самого Хріста — церковь и самъ Хрістосъ, уничтожены?

Развѣ, чрезъ притязаніе папы на главизну и на владычество надъ церковью уничтожены главенство Хріста, и его самая церковь?

Развѣ чрезъ отрицаніе нѣкоторыхъ атеистическихъ философскихъ нѣмецкихъ школъ существованія Божія, на самомъ дѣлѣ отмѣнено существованіе Божіе?

Развѣ убіеніе митрополита Филиппа грознымъ Іоанномъ (совсѣмъ не походящаго на Генриха VIII), можетъ вести къ заключенію, что церковь Хрістова была убита, и болѣе не существуетъ съ того времени?

Развѣ ваши клеветы и ваши проклятія на грековъ, могутъ служить доказательствами, что они внѣ православія, т. е., внѣ истинной церкви Хрістовой, и внѣ его главенства?

Развѣ малочисленность правовѣрныхъ, и многочисленность перевѣрковъ, можетъ быть принята исключительнымъ доводомъ истинности или лживости ученія Хрістовой вѣры?

Развѣ превыспреннее ваше статистическое исчисленіе есть неопровержимый фактъ, что вы говорите правду?

Полноте! постыдитесь! вѣдь надъ вашими умозаключеніями смѣются ваши же латыне!

И что за частныя такія церкви? Духовное единство

не цифръ, и дробиться на части не можетъ. Православная церковь вѣдъ одина, гдѣ бы, и сколько бы не было православныхъ, вмѣстѣ или врозь. Мы вѣруемъ въ духовную церковь, а не въ какую нибудь папистскую систему; потому что нашимъ главою, самъ Хрістосъ, какъ самъ онъ изрекъ о себѣ, а не бренный, смертный человѣкъ, весьма часто какой-нибудь, хотя взять для примѣра вашего бѣднаго Григорія XVI.

Во истинну сей папа былъ пропитанъ духомъ, только не божественнымъ!

Единство церкви не въ рукахъ народностей, а въ духѣ Хріста.

Все, что Спаситель назначилъ для руководства своей церкви на землѣ, указано было апостоламъ. Они получили въ наслѣдство исполнительную часть власти, весьма ограниченную словомъ Господнимъ. Эту исполнительную власть, вязующую и разрѣшающую, передали апостолы *таинственнымъ образомъ и іерархамъ, и священникамъ*, наказавъ имъ строго блюсти законъ божій во всей его точности.

Но, воля ваша, нигдѣ изъ евангелія, а еще менѣе изъ апостоловъ, и изъ опредѣленій вселенскихъ соборовъ, мы не видимъ, что бы Спаситель, или сами апостолы, или отцы вселенскіе, передали кому бы то ни было главенство и законодательную власть въ церкви. Между тѣмъ, необходимыми членами церкви, провозглашены Хрістомъ, и всѣ вѣрующіе въ него.

Что въ Россіи духовенство и высшая іерархія подведены подъ уровень самодержавія, знаетъ всякій изъ

насъ. Но эта зависимость отъ правительства, это угнетеніе особъ духовныхъ, есть зависимость и угнетеніе чисто случайное, внѣшнее, личное. И не одному духовенству, подобная система правленія, которую внесли къ намъ нѣмцы, тягостна, и оскорбительна, а цѣлому народу. Но какъ самодержавная система не есть ужасна, ошибочна, противоестественна, противочеловѣчна, противуразумна, она существуетъ какъ грозный фактъ, какъ великое поученіе для грядущаго, и таковый фактъ мы должны принять въ соображеніе съ существующимъ порядкомъ вещей. Сознаніе во всѣхъ насъ, что положеніе нашего духовенства и цѣлаго народа есть анти-нормальное, давно у насъ существуетъ и не есть новость. Борьба, начавшаяся со временъ Іоанна Калиты, ни разу не прекращалась; она только сильнѣе завязалась съ паденіемъ Новагорода великаго, и теперь — все въ рукахъ Божьихъ.

Какъ бы то ни было, эта борьба выражалась и еще выражается до днесь, то тайными заговорами, то частными, то всеобщими возстаніями. Наше духовенство, съ весьма рѣдкими исключеніями, почти никогда не вмѣшивалось въ эти движенія. Примѣръ, приведенный вами о Никонѣ, весьма не къ стати. Послѣдующее наше сочиненіе „о расколѣ въ Россіи“, выяснитъ вамъ вполнѣ почему, и то, какъ мало вы знаете исторію нашего отечества. Іерархи и все наше духовенство глубоко поняли, какъ неприлично ни ихъ сану, ни ихъ достоинству вмѣшиваться въ кровавыя столкновенія; они поняли, что ихъ роль въ такихъ случаяхъ чисто мировая, духовная, а не

воинственная и не матеріальная. Всякій разъ, что самодержавіе, попирая ногами всякое понятіе о справедливости и человѣчественности, посягало на ихъ личность, они кротко и смиренно уступали. Для отклоненія большаго зла, вящшаго искушенія, они безмолвно уступали и отступались отъ своихъ личныхъ выгодъ и правъ; они продавали мірской власти на расхищеніе и свое имущество, и свои богатства; они уступали внѣшность, наружность, но рѣшительно, безбоязненно, блюстили и ограждали внутреннее, духовное достоинство церкви. Петръ великій, уничтожалъ монастыри; Екатерина II отобрала всѣ имѣнія духовенству принадлежавшія, и всѣ, почти всѣ — оставляли эти посягательства на чужое имущество, на *совѣсти мірской власти.*

Но не такъ, когда дѣло шло о внутренней, духовной жизни церкви. Тутъ никакая власть, никакое насиліе, никакія мученія, не могли принудить ни іерарховъ, ни всего духовенства уступить грубой силѣ мірской. Исторія нашей церкви наполнена тысячью такихъ примѣровъ мало, или даже и совсѣмъ неизвѣстныхъ публикѣ. Въ томъ то и честь, и слава нашего духовенства!

Да останется и въ грядущія времена вѣрно своему призванію это достойное, измученное, задавленное духовенство, которое съ нами дѣлить и наши труды, и наше горе, и наши слезы; которое поддерживаетъ насъ въ вѣрѣ въ Бога, въ будущее, въ любви не только къ ближнему, но даже къ злѣйшимъ нашимъ врагамъ; которое насъ креститъ, насъ вводитъ въ жизнь земную, и которое учитъ насъ съ малыхъ лѣтъ, когда можемъ едва лепе-

тать, произносить отъ сердца слова молитвы: „да пріидетъ царствіе твое, да будетъ воля твоя, яко на небеси, и на земли.“ Миръ вамъ, духовные отцы во Христе! миръ вамъ, за то что смягчаете въ насъ суровость дикой страсти мести противу тѣхъ, которые и васъ самихъ, и насъ втаптываютъ въ грязь, и почитаютъ, ни за что! Миръ вамъ за миръ, который возвратили въ наше сердце изнемогавшее подъ бременемъ тяжкой, незаслуженной участи! Миръ вамъ, за вашъ миръ! Не забудьте, что всѣ мы на васъ смотримъ, и что въ васъ однихъ наша надежда на лучшее будущее въ бѣдной нашей истерзанной, опозоренной крѣпостью Россіи . . . . .

Часто мы слышимъ укоры намъ, что востокъ, т. е. Россія и Греція, стоятъ неподвижны, и что тому причиною православіе.

Но вы забываете, что православіе отражало болѣе трехъ вѣковъ натискъ исламизма на цѣлую Европу; вы забываете, что въ эти страшныя времена, насъ покинулъ и оставилъ на произволъ судьбы весь западъ; вы забываете, что намъ было нѣкогда думать объ образованности, объ успѣхахъ въ цивилизаціи, когда дѣло шло о жизни не только людей, но и цѣлаго народа; вы забываете, что ваше же недоброжелательство намъ заграждало путь на западъ, и что ляхи-католики, ругались и смѣялись надъ нами, называя насъ презрительно схизматиками, и всячески стараясь удерживать насъ въ варварствѣ. Вы забыли,

что только суровая, непреклонная стойкость Петра великаго, а въ послѣдствіи одна только матеріальная сила штыковъ, доставили намъ наконецъ доступъ къ западу. Незванные гости, мы какъ татары, нагрянули къ вамъ, и въ 1812 году доказали всѣмъ, что хотя мы и схизматики, и варвары, но все же побѣдили во имя Христа, и церквей вашихъ нигдѣ не сквернили, и надъ духовенствомъ вашимъ не ругались.

И между тѣмъ, вы провозгласили поляковъ, спасителями цивилизаціи! Они-молъ удержали схизматиковъ въ ихъ границахъ, и не дозволили имъ пробиться въ Европу, и уничтожить въ ней, нѣсколькими вѣками, столь несильно пріобрѣтенной, образованности!?

Вы обвиняете Грецію въ ея паденіи, и провозглашаете, что это достойная кара за ея упорство въ схизмѣ.

Стыдитесь вашимъ клеветамъ!

Греція вопреки цѣлаго запада, вопреки ослѣпленія Александра I., вопреки проискамъ папства, на перекоръ метерниховской, колбасной политики, воскресла, и кто знаетъ, что готовится ей въ будущемъ? На что нибудь она да возраждается!

На васъ вопіетъ страшный голосъ генія-поэта англичанина, не вѣровавшаго ни во что, скептически кивавшаго головою, смотря на Римъ, на его продѣлки и сдѣлки. Мы вѣримъ, что Байрону будетъ много прощено, ибо онъ оказалъ много любви къ страждущей, страшно угнетенной, безбожно попранной Греціи. Онъ лучше васъ: ибо не клялъ и не клеветалъ, а положилъ жизнь за стражду-

щихъ. Его геройскій подвигъ — останется незабвеннымъ въ преданіяхъ исторіи. А о васъ, что скажутъ? Да все то, что вылилось у насъ изъ сердца, изъ души, полныхъ негодованія и презрѣнія къ вашей безчеловѣчной папистской системѣ.

Неподвижность на востокѣ! неподвижность на моей бѣдной, святой отчизнѣ! И тебя обвиняютъ въ томъ люди, которыхъ ты взлелѣяла, вскормила, выростила; которыхъ надѣлила всѣми благами земными; которыхъ ты воспитала, озарила просвѣщеніемъ, лучемъ истины, цѣною твоего пота, и крови, и слезъ горючихъ! Да спросите у меня, мужичка, чего намъ стоятъ ваше воспитанье и ваше ученіе? спросите у меня, сколько ночей я не досыпалъ, и сколько разъ у меня вся внутренность переворачивалась, когда маленькая сестра просила хлѣбца кусочикъ, того хлѣбца, котораго у насъ не оставалось ни зерна, потому что барину нужно было оброкъ выплатить, а правительству подушныя, на поддержаніе недоступныхъ намъ славы, знанія, величія, богатства Россіи!

Неподвижность! О если бы не вѣра въ Бога и во Христа, не надежда, что вы образумитесь, и сами постигнете, какой тяжкій грѣхъ, смертный грѣхъ держать на привязи, и неволить, и бить народъ, если бы, повторяю еще разъ, не вѣра въ Бога и во Христа, мы бы проложили себѣ топоромъ дорогу къ подвижности, и къ образованію, и къ цивилизаціи . . . . .

Но и что говорить. Вѣдь на софизмы вы всѣ горазды, и парадоксы вамъ ни почемъ.

Неподвижности, т. е. смерти, нѣтъ нигдѣ! И даже

у васъ на западѣ, между вашимъ-же духовенствомъ, не смотря на всѣ ваши старанія остановить движеніе умовъ, нѣтъ неподвижности.

Знаемъ мы, что движеніе впередъ покупается ужасными пожертвованіями; знаемъ мы, что всего чаще человѣкъ, цѣлыя поколѣнія гибнутъ и уничтожаются для этой земли — но идея все же впередъ, и впередъ, и всѣхъ увлекаетъ за собою.

Неподвижность! А давно-ли вы надъ Галлилеемъ произнесли анаѳему и заточили въ страшную темницу за то, что онъ доказывалъ, что земля движется. И давно-ли, вашъ же братъ латинскій безбрачный попъ хотѣлъ снова доказывать, что земля неподвижна. Если кому-нибудь движеніе не по сердцу, то вѣрно уже не намъ. Вашъ пріятель, вашъ органъ, вашъ отголосокъ, Вейльо, ежедневно силится доказать парадоксами, бойко написанными, что неподвижность есть единственное спасеніе человѣчества отъ гибели знанія.

Грустно подумать сколько вы уже уничтожили благородныхъ, чистыхъ, свѣтлыхъ людей вашего же духовенства; сколько убили вы полицейскими доводами и доказательствами, дѣльныхъ религіозныхъ журналовъ, которые старались снова вселить вѣру, и надежду, и любовь тамъ, гдѣ вы ихъ безпощадно убили изъ какихъ-то монашескихъ, грязныхъ, іезуитскихъ выгодъ. Сколько молодыхъ умныхъ священниковъ вы вколотили во гробъ вашими клеветами, бранью, ложью, пронырствомъ у правительства. Нечего сказать: хорошо ваше движеніе во имя штыковъ и полицейскихъ хажалыхъ! Уже не

этѣми-ли то льготами, и выгодами, и вольностями хотите вы одѣлить и наше духовенство?

Богъ съ вами, оставьте намъ нашихъ священниковъ, таковыми какъ они теперь. Придетъ время, придетъ пора — и все къ лучшему, волею Божіею устроится. Но наше духовенство, мы твердо въ томъ увѣрены, и тогда ни за что не согласится играть постыдную роль, которую вы играете теперь на бѣломъ свѣтѣ.

А пока отправляйтесь во французскую академію получать 25 сантимовъ за новоизобрѣтенное вами слово: византизмъ. Эхъ господа іезуитики, четыре вѣка вы кряхтѣли да потѣли, что бы такое придумать, въ родѣ словца: папизмъ! Попали пальцемъ въ небо, молодцы!

Вмѣстѣ съ вами утверждаемъ, что и теперь, какъ и въ прошедшемъ существовала, существуетъ только единая церковь Хрістова. Двухъ церквей никогда не бывало, и существовать не можетъ. Но утверждать, что именно ваша система, (другаго слова не пріищемъ), подвластная папѣ, есть единая церковь Хрістова — страшнѣйшее богохульство, какое когда-либо человѣкъ могъ произнести. Церковь, какъ и все человѣчество, никому не подвластна, потому что одинъ Богъ, царь земли, и Хрістосъ, глава церкви. Церковь не есть еще духовенство, не есть еще папа, не есть еще сословіе, не есть еще государство. Церковь, духовная и безсмертная жизнь цѣлаго человѣчества, а не бренное общество, которое ру-

нится, уничтожается и облачается съ каждымъ вѣкомъ въ новыя формы. Церковь не ищетъ земныхъ сокровищъ, земныхъ благъ, человѣческой славы, матеріальной силы. Ея сокровище въ душѣ каждаго вѣрующаго; ея благо въ сердечномъ спокойствіи человѣка, исполненнаго желанія блага ближняго; ея слава — слава Хріста; ея сила — сила Духа Святаго, оживляющаго всѣхъ и каждаго. Церковь, не есть сборище и образецъ всего подлаго и низкаго, всего мерзкаго и отвратительнаго, которое встрѣчаемъ на каждомъ шагу въ человѣческихъ постановленіяхъ: а духовное единеніе ума, сердца, (и въ особенности сердца), всѣхъ тѣхъ, которые чувствуютъ истину и глубоко ею проникнуты, что мы образъ и подобіе Божіе. Церковь не есть сбродъ рабовъ, во имя папизма, или другой какой-либо системы, а собраніе свободныхъ, независимыхъ, равныхъ между собою, братолюбивыхъ людей. Церковь, однимъ словомъ, есть добровольное, свободное, разумное общеніе съ Богомъ, посредствомъ самого спасителя міра, и силою дара Духа Святаго. Вотъ какъ мы мужички, иногда и безотчетно, и безсознательно, вѣруемъ, что такое церковь Хрістова.

Еще разъ: „вѣруемъ и исповѣдуемъ едино стадо, единаго пастыря, Господа нашего Іисуса Хріста, Сына Бога живаго, положившаго за всѣхъ насъ, животъ свой.“

„Вѣруемъ и исповѣдуемъ и Духа Свята, иже отъ Отца исходяща, и котораго Отецъ нашъ небесный, ниспослалъ намъ на утвержденіе и укрѣпленіе нашей вѣры въ лучшее будущее и на землѣ сей.“

Ни болѣе, ни менѣе, ни мы, ни наши пастыри духов-

ные вѣрить не можемъ. То, что изречено было Спасителемъ, намъ ясно и понятно. Его слова, его ученіе намъ даютъ способъ постигнуть и всѣ тайны откровенныя въ евангеліи.

А вашихъ папистскихъ новоизобрѣтенныхъ догматовъ, а вашего папскаго властительства, и владычества, и единства, и всей прочей кутермы и системы не понимаемъ, и въ нихъ вѣрить не можемъ, и не хотимъ.

До сихъ поръ, грѣшный человѣкъ, мы только ругались и бранились. Не взыщите, ваше іезуитское сіятельство, вѣдь наше дѣло мужицкое, необтесанное, неошлифованное: что на умѣ, то и на языкѣ. Насъ не воспитывали A. M. G. D. Взросли мы такъ себѣ, какъ Богъ помогалъ. Насъ не мучили ни надъ азбукою, ни надъ схоластическимъ богословіемъ, ни надъ велемудрыми эрготизмами; насъ не учили вѣжливо, съ улыбкою на устахъ утверждать, что бѣло черно, и на оборотъ; насъ не учили прикидываться тѣмъ, чѣмъ угодно, и вертѣться около русскихъ барынь, на совращеніе ихъ отъ истины. Княгини, графини, намъ недоступны, — и про нихъ мы и не пишемъ, а про нашу братію мужичка.

Но какъ бы то ни было, а по совѣсти, должны и мы отдать подобающую честь и хвалу вашей книжкѣ. Въ ней есть страницы, есть мѣста, которыя восхищали и насъ невѣждъ. Указывать на всѣ таковыя мѣста — долга пѣснь будетъ. Укажемъ только на одно, — оно послужитъ мѣрою достоинства всего сочиненія.

Вотъ то мѣсто, стр. 37.

„Она (т. е. папистская система) раскинулась по всему лицу вселенной, на сѣверѣ и на югѣ, на востокѣ и на западѣ!

Каково! Что за чудный оборотъ, и что за картина! Ни дать, ни взять, истолкованіе новаго догмата, въ письмахъ къ русской барынѣ. О Тредьяковскій, Булгаринъ и Орловъ — плачьте! Васъ перещеголялъ князь іезуитъ Гагаринъ, и все потому токько, что вамъ недоступны, какъ это назвать повѣжливѣе, по іезуитски! . . . . . А! недоступны: духовныя сладострастія (voluptés spirituelles.)

Жалко, что князь іезуитъ, не объяснилъ, какъ она раскинулась, (т. е. система), вверхъ дномъ — или на оборотъ? Да уже кстати было и пояснить на что лице вселенной стало похоже.

Русскій мужичокъ пустился также путешествовать, и ему какъ и нашимъ барамъ захотѣлось посмотрѣть на свѣтъ божій, и поучиться, и посравнять, и выводы сдѣлать. Вотъ на дняхъ и пріѣхалъ ко мнѣ изъ смоленской губерніи, села ***, Иванъ Кондратьевъ, староста церковный, грамотный человѣкъ, съ грѣхомъ по поламъ. Далъ я ему въ руки книжку князя іезуита. И читалъ онъ ее, и читалъ, и покончивши сѣлъ призадумавшись возлѣ меня.

— Ну, что? спросилъ я его. —

— А что?! отвѣтилъ онъ мнѣ. —

И послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія у насъ завя-

залась слѣдующая бесѣда, которую и передаю слово въ слово.

Петръ Артамовъ. А сіятельный іезуитъ, много хлопочетъ о примиреніи русской церкви съ римскою.

Староста Кондратьевъ. Да, хлопотъ полонъ ротъ. Вишь ты братъ: пиво сопитъ сквозь пробку.

Петръ Артамовъ. А что, дядя, знать дѣло то того и въ самомъ дѣлѣ важное. Вѣдь князья и бары затолковали не на шутку о примиреніи.

Староста Кондратьевъ. Блажении нищіе духомъ; а хайло-отъ у нихъ, извѣстное дѣло, широко.

Петръ Артамовъ. Да дядюшка, вѣдь только и толкуютъ о томъ, что-дискать нужно освободить церковь Хрістову отъ власти мірской.

Староста Кондратьевъ. Экъ ты олухъ какой! На нашемъ-то току хлѣбъ молотить хотятъ.

Петръ Артамовъ. Да вѣдь прочти — ка повнимательнѣе: вишь ты, сулятъ всякія льготы, свободности, выгоды, почести.

Староста Кондратьевъ. Сопѣлки, братъ, сопѣлки. Въ нашемъ жолобѣ да дыръ хотятъ надолбить.

Петръ Артамовъ. Вездѣ, говорятъ, вездѣ революціи будутъ, коли къ папѣ не обратятся, и не признаютъ его главою церкви. Онъ — молъ одинъ можетъ спасти отъ бѣдъ и гибели.

Староста Кондратьевъ. Собаку съѣлъ, родимой, собаку съѣлъ. Да и священное писаніе гласитъ: и сія вамъ нечиста отъ плѣжущихъ по земли: ласица, и мышъ, и крокодилъ земный, мугали и хамелеонъ.

Петръ Артамовъ. *Утверждаетъ, что папа глава церкви, что самъ Христосъ такъ назначилъ* ....

Староста Кондратьевъ. Въ пятомъ евангеліи. *Недовѣрокъ онъ іезуитъ, недовѣрокъ. Хвастливаго съ* богатымъ не распознаешь.

Петръ Артамовъ. Божится, право ей, что папа-де такой знатный, сильный и большой баринъ . . .

Староста Кондратьевъ. Экъ нарядился въ харю: Взяша вся копьыя содомскія и гоморрскія и чаетъ одолѣть, а того и не видитъ, что выбойка вся разлѣзлась.

Петръ Артамовъ. А замѣтилъ-ли ты какъ намѣкаетъ, что наше бѣлое духовенство, такъ себѣ; а черное-то, и того? Да его послушать, такъ мы расколники, пожалуй и въ басурманы негодны.

Староста Кондратьевъ. Перевѣрокъ онъ іезуитъ! ахти позоръ какой русскому барству.

Петръ Артамовъ. Такъ вотъ и манитъ нашихъ духовныхъ лестью и обѣщаніями.

Староста Кондратьевъ. Шалаши городитъ; да тетерева-отъ перевелись. А стараго воробья мякиною не надуешь.

Петръ Артамовъ. Да чтожъ ты дядя, въ самомъ дѣлѣ-то, вздоръ городишь, да не выскажешь, что обо всемъ этомъ думаешь.

Староста Кондратьевъ. Вздоръ городитъ іезуитъ проклятой, да побродяги *написты. Самъ вздурачился,* что съ ними пошелъ, да и насъ туда же наровитъ. Экъ подъѣхалъ съ невидалью какою! Что мы за нехристь

такая, что бы вѣру отцовскую покидать, да обузу себѣ на шею навязывать ни прошто, ни зашто. Али у насъ и безъ нихъ мало зла? Коли нашимъ князькамъ да графченкамъ время басурманить да козлогласить, такъ намъ не до нихъ и не до того. Али мало у насъ на Руси чиновниковъ, да такихъ сякихъ, что козподѣютъ безъ совѣсти и безъ души? Ну ихъ къ...., тьфу, прости Господи, чуть къ врагу не послалъ, да туда имъ, примѣромъ будучи сказать, и дорога. Нѣтъ братъ шалятъ, намъ не до нихъ. Пора намъ: Яко во дни благообразно да ходимъ, не козлогласованій и пьянствы. У насъ и безъ нихъ дѣла довольно. А козликовъ неча пускать въ огородъ, а то капуста-отъ, охъ, охъ! .....

Не намъ первымъ вы швыряете въ голову вашу страшную дилемму:

„или католицизмъ, или революція."

т. е. другими словами: или возвращеніе къ средневѣковымъ, обвѣтшалымъ, ни къ чему негоднымъ формамъ, къ системѣ костровъ, подземныхъ тюремъ, къ vade in pace калуэрскаго правленія скуфейщиковъ, къ затмѣнію умовъ, къ погашенію всякаго луча просвѣщенія, къ рабству разума и разсудка, ко всему безпутному, негодяйскому, къ окончательному отупленію рода человѣческаго: однимъ словомъ къ католицизму, какъ вы его понимаете въ папистской системѣ;

или движеніе впередъ къ исполненію обѣтованнаго и откровеннаго Хрістомъ царствія Божія, и на земли сей,

къ лучшему, къ образованному, къ просвѣщенію, къ лучу свѣта евангельскаго, къ свободѣ народовъ, къ личной независимости, къ правленію закономъ, къ просвѣтленію умовъ, къ оправственованію сердецъ, ко всему благородному, возвышенному, къ окончательному единенію во имя Хріста всѣхъ народовъ во едину паству, какъ мы понимаемъ ее въ чисто духовномъ отношеніи къ Божеству: однимъ словомъ къ тому, что пріобрѣтается лишь ужасною, трудною, вѣковою работою революцій.

Тутъ выбора быть не можетъ: революція! вотъ нашъ девизъ, вотъ наше желаніе, вотъ наши помыслы, вотъ вся цѣль нашихъ трудовъ, нашихъ заботъ, нашей вѣры, *нашихъ надеждъ, нашей любви.*

У насъ это понялъ царь Александръ IIй; у васъ это исполняетъ вашъ императоръ Луи Наполеонъ. Вотъ почему они оба единственные въ цѣломъ свѣтѣ популярные вѣщеносцы. Вотъ почему, не смотря на всѣ ваши интриги и тайные заговоры. Луи Наполеонъ держится крѣпко на престолѣ французскомъ. Вотъ почему мы съумѣемъ оградить нашего царя отъ всѣхъ козней царедворцевъ, дворянъ и бездѣльничьяго чиновничества. Оба съ умомъ ведутъ революцію къ ея окончательному результату, къ осуществленію усовершенствованія въ человѣчествѣ, и обоимъ помощи папской не нужно.

Католицизмъ, т. е. папизмъ, вездѣ и всюду, оказалъ свою несостоятельность: въ религіозномъ отношеніи онъ — кощунство и ханжество; въ нравственномъ — убійство семейнаго быта, личной духовной жизни, духовнаго общественнаго бытія; въ общественномъ отношеніи —

— это отрицаніе всего человѣчественнаго, и олицетвореніе самого отвратительнѣйшаго, эгоистическаго рабства; въ политическомъ — это хула на Бога и посмѣяніе на народы. Однимъ словомъ католицизмъ есть зло безвыходное, есть тьма кромѣшняя; это врата адовы; это дантовское „lasciate ogni speranza.“ И разъ туда попался — пропалъ на вѣки, и человѣкъ, индивидуально взятый, и народъ, во всей своей итоговой массѣ.

Весь католицизмъ вертится только на одной верхушкѣ папской шапки: это колесовратное, американское сальто мортале. Все сборище скуфейщины только и знаетъ, что кричитъ:

„Папа, папа, папа, сто разъ, тысяча разъ, милліонъ разъ папа;“

а о Хрістѣ, о его благой вѣсти, а о церкви — и помину нѣтъ! —

А все отъ того, что Хрістосъ есть живой упрекъ всей вашей комедіи скуфейщійской; Хрістосъ есть изобличеніе васъ во лжи и лести. Хріста вы ежедневно, сто, тысяча, милліонъ разъ распинаете въ вашихъ богохульныхъ синхедріонахъ. И появись снова Хрістосъ — и Іуды Искаріота не нужно, всѣ вы его повлечете сообща, да еще и даромъ, на гильотину.

Благую вѣсть вы запрещаете читать, потому что ученіе въ немъ изложенное есть ваше осужденіе; потому что евангеліе какъ свѣтъ дневный озаряетъ всякаго, и внушаетъ отвращеніе, негодованіе, омерзѣніе, къ вашему ученію. О! если бы вы только могли, то извели бы до послѣдняго экземпляра божественную книжечку.

Наконецъ то, что вы называете церковью западною или католическою, похоже на старую, истасканную, всемірную дѣвку, которую вы іезуиты, подпомадили, подзавили, подрумянили, пододѣли, и выставляете въ полусвѣтъ, что бы прохожіе не могли разглядѣть сколько отвратительнаго въ ея морщинахъ, въ ея поблекшихъ глазахъ, въ ея сѣдинахъ и въ ея вылѣзшихъ волосьяхъ.

И послѣ этого вы имѣете столько духа, что предлагаете намъ примиреніе, сдѣлку съ вашею куклою?

Да и что можетъ путнаго выйти изъ этого чудовищнаго общенія свѣта со тмою, дня съ ночью, истины со лжёю. Это даже не было бы полумѣрою на отвращеніе зла германскаго, философскаго атеизма. Это было бы только нашествіе испареній, скопившихся въ злотворныхъ скопищахъ всѣхъ безпутныхъ и безбрачныхъ людей.

Революція?!

А что же вы намъ предлагаете вашимъ безусловнымъ условіемъ примиренія и сдѣлки съ папою? Вѣдь ваше условіе, первое и необходимое: ограниченіе самодержавія царя?

И какіе изъ того могутъ истечь льготы и вольности русскому духовенству?

Нѣтъ, ваше іезуитское сіятельство, льготы и вольности русскому духовенству должны истечь изъ совершенно чистѣйшаго источника: изъ собственнаго сознанія цѣлаго государства, всего народа, сколь высоко, прекрасно и божественно назначеніе пастырей народныхъ. Лишь одно это сознаніе въ состояніи дать возможность освободить служителей церкви Хрістовой, изъ подъ опеки пра-

вительства, подъ которою впрочемъ находимся и всѣ мы, безъ исключенія. А все это дѣло времени, опыта, долговѣковыхъ трудовъ, непрерывной, умственной работы, изученія вполнѣ слова Божія, почерпнутаго изъ самого евангелія, и поясненнаго, и истолкованнаго вселенскими отцами. Это дѣло не примиренія съ вашею системою, и не сдѣлки царя съ какимъ нибудь Но-по, а дѣло, можетъ статься нѣсколькихъ вѣковъ, и нѣсколькихъ поколеній. Однимъ словомъ — все это дѣло промысла Божія, у котораго въ рукахъ и сердце царево, и судьбы народовъ, и вся будущность человѣческая. Не вы насъ научите лучшему — а исторія и ея факты, которыхъ ничто не въ силахъ уничтожить.

И все хорошенько обдумавши и обсудивши, такъ право лучше подобно Прометею лежать прикованнымъ на скалѣ подъ клёвомъ двуглаваго орла, чѣмъ влачить печальную жизнь раба скуфейщины и пылить темя свое подъ изношенною туфлею какого нибудь Но-по. Вѣдь цѣпи когда нибудь да разрушатся и распадутся отъ ржавчины! — А кто въ состояніи смыть пылное, грязное пятно на темени человѣчества, въ особенности, если оно еще къ тому и добровольное?

Вы грозите самодержавію потерею власти неограниченной. А развѣ вы думаете, что наше самодержавіе не знаетъ само, что оно есть ничто иное какъ временное, случайное диктаторство, котораго намъ нужно было доселѣ для окрѣпленія нашего народнаго и государственнаго тѣла? Самъ Николай, это очень хорошо зналъ, и вотъ почему его правленіе было ужасно, безчеловѣчно, убій-

ственно. Неуже ли вы думаете, что онъ былъ тираномъ, такъ только, что бы быть тираномъ? Нѣтъ, нѣтъ, онъ можетъ статься и безотчетно, но очень хорошо понималъ, что не его царствованію предоставлено было опустить поводья. Развѣ и тутъ не видно перста Божія? Когда покойный царь сдѣлалъ свое дѣло — все распалось еще при жизни его, не смотря на могучую его руку. Провидѣніе Божіе сломило силу великана, подъ натискомъ соединенной противу него пол-Европы. Николай палъ — и унесъ съ собою во гробъ, окончательно и навсегда, всю силу самодержавія. Его нигдѣ болѣе не будетъ, потому что оно нигдѣ болѣе не можетъ существовать. Эта форма правленія болѣе ни намъ, ни вамъ не годится, и всѣ ваши старанія возвратить человѣчество вспять — пустое и суетное стараніе.

Папистская система — остовъ; самодержавіе — тѣнь!

Пора взойдти солнцу евангельской свободы. Православію востока принадлежитъ роль путеводителя при переходѣ изъ тьмы во свѣтъ. И будетъ такъ.

Не правда ли, господа іезуитики, мы оправдываемъ то, что вы сказали о насъ въ вашей брошюркѣ? Революціонеры мы? Да, отвѣтимъ мы, не запинаясь, мы революціонеры о имени Христа, Освободителя всего міра.

Но на эшафотъ мы не поведемъ своихъ царей; изгонять ихъ не будемъ. Кровью монарховъ мы не обагримся — ибо у насъ невозможны ни Карлы Іе, ни Лудовики XVIе, ни Карлы Хе, ни Луи Филиппы, а главнѣе всего ни Піи Но-но.

Вѣдь на нашемъ языкѣ и слова революціи нѣтъ. У насъ замѣняетъ его слово круговращеніе — и вся вселенная держится и живетъ законами круговращенія вокругъ солнца. Вотъ почему у насъ революціонеры — наши цари, а не мы. Вотъ почему Іоаннъ великій, Іоаннъ грозный, Петръ великій и Александръ ІІй наши законные и могучіе революціонеры. Мы только подаемъ намёки, а они исполняютъ. Мы иногда отнѣкиваемся отъ добра, а они заставляютъ; мы часто не хотимъ идти впередъ, а они насъ насилятъ; мы силимся сдержать просвѣщеніе, а они его подталкиваютъ; мы тормазимъ, а они впрягаются въ телегу — и везутъ, везутъ насъ неутомимо, безъ отдыху, безъостановочно.

И гдѣ же эти вѣнценосные, суровые, страшные революціонеры почерпнули силу, желаніе, мощь къ исполненію исполинскихъ подвиговъ? . . .

Въ православіи — отвѣтимъ мы.

Ваше дѣло доказывать противное, если съумѣете. А у насъ передъ глазами факты, все факты, длинная вереница фактовъ.

Мужайся же царь русской, не пугайся, и не слушай говора іезуитовъ и Но-но. Освобождай насъ, преобразуй насъ, изъ рабовъ выводи въ люди, собственнымъ твоимъ умѣніемъ, собственными убѣжденіями, собственною силою. Не слушай и не бойся господъ баръ и князей отступниковъ. Твоя сила, твоя жизнь, твое бытіе, твое благополучіе, твое счастіе — въ насъ, а тебя не выдадимъ никому. Смотри на Герцена, смотри на Огарева — они ненавидятъ злоупотребленія, ненавидятъ все, что достойно

ненависти. Еще болѣе, Герценъ, республиканецъ, соціалистъ неисправимый, а посмотри съ какою надеждою, съ какою вѣрою, съ какою любовію даже и онъ смотритъ на тебя, и желаетъ тебѣ, и славы, и благоденствія. И какъ они оба, такъ и мы мужички! Вѣдь мы воспитаны были въ православіи, и если даже становимся иногда не вѣрующими, но все же прежде всего мы русскіе, русскіе словяне, вышедшіе въ жизнь православными, любящими родину безъ всякихъ условій, безъ всякихъ папистскихъ замашекъ и іезуитскихъ дилеммъ.

Народность — вотъ наше политическое вѣрованіе!

Православіе — вотъ наша духовная вѣра!

Самодержавіе — вотъ наша надежда.

Уничтожай же царь все зло, все чиновническое, искореняй до тла весь наростъ чужеземный, несвойственный ни нашимъ понятіямъ, ни нашему духу, ни нашимъ чувствамъ. Рѣжь въ живое мясо, просверливай черепъ общественный: вѣдь мы русскіе мужички — и глазомъ не мигнемъ, и усомъ не поведемъ. Но убѣгай ханжей католиковъ, и бойся пуще всего дьяволовъ искусителей, называемыхъ на западѣ іезуитами, а въ особенности отступниковъ русскихъ!

Государь, борьба еще не кончилась! Мы выиграли первую, партію и московскій пожаръ озарилъ двоекратное вшествіе наше въ Парижъ, и трактаты парижскіе. Мы проиграли вторую партію, и взорванный Севастополь освѣтилъ только ново проломанный севастопольскій бульваръ въ Парижѣ. Третяя партія впереди.

А мы знаемъ, что на западѣ все кончится временною

третьею реставраціею: на одну-ли, на другую-ли сторону, кто можетъ предсказать навѣрное? Но да не забудемъ, что эта новая, неминуемая реставрація будетъ послѣднею попыткою возстановленія монархизма во Франціи, послѣднимъ покушеніемъ связать человѣчество по рукамъ и по ногамъ, для того, чтобы сволочь его назадъ къ средневѣковому быту. Вся Европа разгорится и все это кончится: козачествомъ: т. е. мірскимъ, вселенскимъ правленіемъ цѣлаго человѣчества.

Для насъ, самодержавіе охраненіе отъ боярскихъ, мѣстническихъ смутъ, сохраненіе народности отъ ляшскихъ покушеній, сохраненіе православія отъ іезуитскихъ интригъ папизма, а главнѣе всего и первѣе всего, удержаніе вопреки всему и всѣхъ, общиннаго, крестьянскаго, русскаго быта, высокаго и глубокаго историческаго намека на будущность не только цѣлой Россіи и всѣхъ славянскихъ, православныхъ племенъ, но и цѣлаго человѣчества.

Знаемъ, что и вы іезуиты насъ разгадали, и будущность также хорошо видите какъ и мы; но знаемъ также, что потому только вы и хлопочете такъ много, что бы схватить въ руки православное, русское, славянское движеніе. Но успокойтесь. Мужикъ русскій не хуже вашего смѣкаетъ дѣло — и вамъ у насъ никогда не бывать!

Вы насъ, т. е. царя, стращаете германскою философіею. А неуже-ли вы думаете, что намъ не ясно какъ дважды два четыре, во сколько и она не состоятельна.

Папизмъ уже обанкрутился въ пухъ, а германская философія также не далека отъ расчёта съ человѣчествомъ. То что папистская система произвола, извѣстное число; и то что германская философія производитъ, также извѣстное число. Папизмъ приводитъ къ ничтожеству, убійствомъ нравственнымъ во имя папы; германская философія ведетъ прямикомъ къ нравственному, добровольному самоубійству, во имя отуманеннаго пивомъ и табакомъ разсудка. Охотниковъ было и есть еще на попытки и того и другаго; но человѣчество артачится. Ему страшна инквизиція подлой памяти, ему отвратительно бездонная пропасть атеизма, издыхающаго въ глубокомысленности пивной кружки и затхлаго дыма табачнаго. Оно ищетъ третее еще неизвѣстное, искомое число. А вотъ, смотрите, оно тамъ у насъ на востокѣ. Это число X, называется: православіемъ.

И все бросается уже на изученіе преданій вселенскихъ соборовъ. Вотъ гдѣ истина, еще сохранилась, и эта истина спасетъ насъ отъ великаго наводненія грязи и дрязга латинскаго и германскаго ученія.

Революціи бояться намъ нечего и потому еще, что православія не вмѣшиваетъ никто у насъ въ общественные, чисто житейскіе вопросы.

Да и сознаемся, если справедливо мнѣніе пресловутаго князька іезуитика, что на западѣ дѣло идетъ между католицизмомъ и революціею, то сожалѣемъ о послѣдней.

Но извините, ваше іезуитское сіятельство, это мнѣніе, вѣдь ничто иное, какъ шарлатанская замашка пустить пылью въ глаза. Вашимъ католицизмомъ никто не зани-

мается, а надъ вами только смѣются и рукоплескаютъ, какъ всякому клайну въ гипподромахъ, когда удастся кому нибудь изъ вашихъ выкинуть невиданную штуку или выточить неслыханныя дотолѣ балясы. А извѣстное дѣло шутъ, будь онъ хоть князь и іезуитъ, все таки шутъ, и его шутовству посмѣяться не грѣхъ. Нѣтъ ничего уморительнѣе всѣхъ вашихъ попытокъ выставить себя впередъ. Про васъ можно то-же сказать, что Репетиловъ говоритъ про себя и про своихъ, бѣдному Чацкому:

„Шумимъ, братецъ, шумимъ!"

Шумите, братцы, шумите до сыта, вѣдь комедія скоро кончится.

Вами занимается можетъ тамъ и сямъ быть какой нибудь мыслитель, но занимается какъ занимается кухарка ненужнымъ, ни къ чему негоднымъ соромъ. Нерѣдко мы слышали: „а что же съ скуфейщиками, куда ихъ дѣвать?" — „Куда? да въ помойную яму весь этотъ нечистый дрязгъ среднихъ вѣковъ, а оттуда извѣстное дѣло въ рѣку, гдѣ онъ разложится и уничтожится навсегда." — Туда ему и дорога. Въ Лэту его." —

И укажите намъ на милость, гдѣ же эта борьба католицизма съ революціею?

1848й годъ дѣлаетъ честь человѣчеству вообще, и французскому народу въ частности. Никто вѣры не затрогивалъ; никто собственности чужой не присвоивалъ; никто семейства не позорилъ. 1848й годъ доказалъ вполнѣ, что хрістіанская идея, не смотря на все срамное лже-ученіе папистское, бросила глубокія корни и въ массу народа. И гдѣ вы были, паписты, когда

народъ безсмертными подвигами ясно доказывалъ цѣлому свѣту, что онъ достоинъ той свободы, той независимости, котораго уже болѣе полувѣка домогается? Куда вы приприятались въ вашемъ страхѣ, когда цѣлый Парижъ дрался за честь, за славу, за нравственное бытіе свое, опозоренное правленіемъ Луи Филиппа? Вы скрывались въ темнѣйшихъ закоулкахъ чердаковъ и подваловъ, и только тогда рѣшились показать свои тонсуренныя головки, когда ваши покровительницы удостовѣрились, что о васъ никто и не помышлялъ.

А и эту бурю 1848го года вызвала ваша же братія. Неужели вы думаете, что ваши интриги, ваши происки съ герцогинею орлеанскою остались всѣмъ неизвѣстными. Луи Филиппъ готовился объявить протестантизмъ, офиціальною церковью: вы это очень хорошо знали. И что же? народу было не до вашихъ мелочныхъ, узенькихъ идеецъ, онъ васъ отшвырнулъ съ своей дороги. Какая обида, какая досада! И съумѣли вы воспользоваться глупымъ страхомъ однихъ, подлою корыстью другихъ, благородною простотою иныхъ. И пошли снова интриги, снова происки, снова клеветы, доносы, лесть, ложь, низкопоклонничество, слезы умиленія, воздыханія, воздѣянія рукъ, потупленіе взоровъ, вздохи, отпирательства и того и другаго, и клятвы, и увѣренія, и вся нечистая, скверная игра, достойная лишь пикпокетовъ лондонскихъ улицъ. И успѣли вы образовать партію, которая обреклась на защиту вѣры, собственности, семейства. И надписавъ эту троекратную ложь на своихъ знаменахъ, эта партія стала собирать всю бездомную сво-

лочь со всей Европы въ шанъ-де-марсъ, и четыре мѣсяца спустя, стравила ее съ обманутыми горожанами Парижа. Кому не извѣстны страшные іюньскіе дни? Спросите любова Парижанина — и онъ вамъ раскажетъ, всѣ неистовства партіи обрекшейся на жертву для защиты вѣры, семейства и собственности. Восемьнадцать тысяча человѣкъ растрѣляно безъ суда, или приговоромъ какого-то синхендріона, въ тюйльерійскихъ подвалахъ и во рвахъ городскихъ. Папизмъ восторжествовалъ!?! И затѣмъ пошла потѣха и въ карличьихъ нѣмецкихъ тридевяти государствахъ, тридевяти царствахъ. Тѣ же мерзости, тѣ же гадости, тѣ же убійства повторялись вездѣ — кромѣ Россіи и Англіи.

И судъ божій уже ознаменовался и знаменуется въ наше время ежедневно.

Каваньяка, стащили полицейскіе за шиворотъ, какъ таскаютъ мошенниковъ и забулдыгъ, въ Мазасъ. И умеръ онъ презираемый всею Франціею, опозоренный передъ цѣлымъ народомъ.

Горгей умеръ, мучимый совѣстью, и опозоренный передъ цѣлымъ человѣчествомъ;

Шлыкъ и показаться не смѣетъ передъ своею же братіею славянами;

Хайно били по зубамъ лондонскіе пивовары, и спасла его отъ смерти старушка, зарывъ въ навозную кучку. Съ презрѣніемъ оттолкнула она отъ себя золотой кубокъ, поднесенный ей въ благодарность австрійскими офицерами, за спасеніе жизни изверга — насильника.

Бедо, Шарасъ и Ламорисіеръ, живутъ въ изгнаніи,

оставшись въ дуракахъ, и освистанные вашею братіею за совѣстливость и благородство въ помышленіяхъ;

Папа позоритъ себя, таская дѣтей у евреевъ, и свои же римляне его ругаютъ и поносятъ, называя но, но!

Прусскій король спился съ кругу;

Баварскій старый король женился на всемірной, истасканной Лоло-Монтесъ;

Австрійскій императоръ лижетъ туфлю папы, и не удивилъ міръ даже немощью своею, удивитъ его неблагодарностію къ Россіи.

А о мелюзгѣ германскихъ корольковъ и герцочковъ, и говорить нечего. У каждаго шуфлика въ Германіи какой нибудь сальный анекдотецъ про каждаго изъ нихъ, и всегда приклѣяна какая нибудь непристойная кличка.

Да и вся партія, обрекшая себя на возстановленіе порядка, гложетъ свой стыдъ и посрамленіе, и только помышляетъ о томъ, какъ бы свергнуть императора французовъ. Сознаемся откровенно, мы удивляемся уму и разсудительности французскаго простонародія: — оно не поддается вашимъ проискамъ и подговорамъ; оно понимаетъ и глубоко проникнуто истиною, что Луи Наполеонъ, есть олицетвореніе и продолженіе революціи.

И стыдно, и прискорбно, и грустно намъ, но безпристрастіе и справедливость заставляютъ насъ заключить постыдной списокъ и именемъ покойнаго царя. Вмѣшался онъ, обманутый своею честностью, своею добросовѣстностью въ венгерское возстаніе; онъ не понялъ, что Россіи во всѣ эти интриги, во всѣ эти гадости, во весь этотъ дрязгъ не слѣдовало вмѣшиваться. Онъ спасъ

австрійскаго императора, отъ конечной, заслуженной гибели; онъ помогъ всѣмъ вамъ, и хорошо же вы его отблагодарили. Со всѣхъ сторонъ зашипѣли вы какъ ядовитыя змѣи; вездѣ вселяли вы ненависть, злость и зависть противу того, безъ котораго давно бы уже и на всегда сгинули и исчезли какъ дымъ. Вы возстановили противу Николая страшную бурю, и ослѣпленная партія, обрекшая себя на жертву и проч. и проч. освистала его за то, что онъ же ее удержалъ отъ окончательной гибели. Его слабость и заключалась именно въ его добросовѣстности; а сила Россіи и состояла именно въ православіи. Разгромъ Севастополя кончился только титломъ Малаховскаго. Вы приклѣили имя бѣглаго мошенника къ имени солдата той же партіи, которая обрекла себя и проч. и проч., и если настанетъ роковой часъ, то и васъ разгромитъ, какъ разгромилъ Севастополь.

Урокъ намъ всѣмъ, отъ царя до послѣдняго мужичка, впередъ не вмѣшиваться въ ваши дѣла. Душите другъ друга, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Вотъ почему, и надѣемся, что теперешній царь съ вами не войдетъ въ предлагаемую с д ѣ л к у.

Да знаете-ли вы, какъ мы русскіе понимаемъ это слово? У насъ с д ѣ л к и дѣлаютъ между собою воры да мошенники съ чиновниками, и честный человѣкъ этого слова ни за что не употребитъ. Въ старину, оно было только разъ употреблено въ государственныхъ актахъ, и съ той-то именно поры, оно и сдѣлалось синонимомъ д о г о в о р а между ворами. Мы читаемъ въ уложеніи царя Алексія Михаиловича, гл. II, стр. 8:

„У вотченниковъ была полюбовная сдѣлка, и по полюбовной сдѣлкѣ, кто кому своихъ крестьянъ поступился.“

Не уже-ли вы думаете, что нашъ царь чиновникъ какой нибудь? И не уже ли нашъ царь согласится передъ вашимъ папою играть роль вотченника временъ царя Алексія Михаиловича, и поступится народа православнаго, какъ стада быковъ, латинскому Но-но?

Нѣтъ, роль нашего царя, есть роль всякаго честнаго, русскаго человѣка, которому дорого православіе, составляющее всю нашу силу, и честь, и славу, и будущность.

Не нужно намъ вашей истасканной папской туфли; не хотимъ мы ею замѣнять на нашемъ знамени двуглаваго *орла*. *Вѣдъ туфля аттрибутъ слабоумія, разслабленія*, дряхлости, безсилія, немощности, бабства!

Неужели нашъ царь согласится на то, что бы и о *немъ то же стали говорить, что по всѣмъ кабакамъ Нѣ*мечины со смѣхомъ каждый филистимлянинъ твердитъ:

„О! о! австрійскій императоръ! о, о, да онъ вѣдь *глупенькая головка, подъ туфлею Но-но!*“

Зло, существующее у насъ, намъ извѣстно, и мы съумѣемъ справиться съ нимъ, собственными силами. А кто можетъ предузнать то зло, которое вашъ папизмъ къ намъ неминуемо нанесетъ? Результаты всего, что папизмъ надѣлалъ на западѣ для насъ очевидны, и этихъ

результатовъ мы не хотимъ у насъ. Мы грубы, мы необразованы, мы еще варвары — но въ насъ есть еще довольно качествъ, для того, что бы не только сравняться съ вами, но и обогнать васъ. Вездѣ проявляется движеніе въ умахъ, вездѣ стремленіе къ лучшему. Есть подлыя сословія, чиновничество на примѣръ; есть слабыя сословія, дворянство на примѣръ; есть скверные люди, есть даже изверги, запятнанные всѣми пороками, всѣми злодѣяніями; есть духовные не достойные даже жить на *свѣтѣ Божіемъ; но масса цѣлаго государства*, улучшилась. Взяточника, всякій называетъ подлецомъ; низкопоклонника всякій презираетъ; злодѣя всякій избѣгаетъ какъ язвы; ханжу *іезуита всякій ненавидитъ. Гласъ народный, гласъ Божій*, и этотъ гласъ проникнетъ всякаго собственнымъ достоинствомъ и всякій начнетъ съ собственнаго преобразованія. *Вся дрянь, вся тряпичность уничтожится мало* по малу, и православіе наше, мы тогда еще лучше поймемъ, и вникнемъ еще глубже во все священное, во все возвышенное, которое заключается въ немъ.

Мы всѣ въ ожиданіи лучшаго. Насажденное тысячавѣковою, кровавою, утомительною, но неутомимою нашею работою, начинаетъ созрѣвать. Общество, силится стать на ноги, и раскидываетъ во всѣ стороны наносъ иноземнаго сброда, которымъ такъ щедро удѣлилъ насъ западъ. Духъ славянскій пробуждается. Истина черезъ посредство православія все свѣтлѣе и свѣтлѣе свѣтитъ сквозь сумракъ и туманъ прошлыхъ вѣковъ. Благовѣсть славянская уже гудитъ, и народы прислушиваются — и всѣ мы возстаемъ отъ сна для свѣтлаго праздника Главы

церкви, самого Спасителя, Іисуса Хріста, Сына Бога живаго. Облачайся святая, православная Русь! Великая, трудная работа тебѣ предстоитъ, но о имени нашего Главы, мы и этотъ трудъ понесемъ веселымъ духомъ, и уничтожимъ всѣ преграды, предстоящія еще на нашемъ великомъ, гигантскомъ поприщѣ! Не забывай, что ты съумѣла безъ всякой иноземной помощи поглотить въ свою народную, славянскую жизнь, чуждые элементы нанесенные къ тебѣ варяго-руссами; не забывай, что ты успѣла высвободиться отъ трехвѣковаго ига монголо-татарскаго, безъ помощи запада; не забывай, что святители церкви Хрістовой, своимъ примѣромъ, своею проповѣдью, своимъ православіемъ заставили царей, собирать раздробленныя твои части въ единое цѣлое; не забывай, что іезуита Гришку Отрепьева и его сообщниковъ ляховъ ты уничтожила и изгнала во имя православія; не забывай, что Польша, въ ужасной борьбѣ была побѣждена вѣрою твоихъ отцевъ, признававшихъ единаго Хріста, главою церкви вселенской; не забывай, что ты сломила силу двунадесяти языковъ о имени этого же самого Спасителя міра; не забывай, что пол-Европы изнурила и истощила всуе все свое искусство, все свое усиліе, все свое просвѣщеніе, всю свою мудрость, все свое могущество, подъ земляными валами Севастополя. Внеси въ сердце твое имена незабвенныхъ святителей мужей и православныхъ: Ослябы и Пересвѣта, и Сергія радонѣжскаго, и святителей Алексія, Іоны и Петра, и мученика Филиппа, митрополитовъ московскихъ, и Авраамія Палицына, и мѣщанина Минина Сухорукова, и князя Пожарскаго, и великаго,

святаго Ермогена, замореннаго голодомъ ляхами-католиками за вѣру и вѣрность, и Георгія Кониескаго, и Суворова, и Кутузова смоленскаго! Не забывай ихъ, и Богъ тебя не забудетъ!

Станемъ же всѣ, едины сердцемъ, едины помысломъ, станемъ добрѣ, во имя Хріста-Спасителя, нашего единаго Главы, на братскую любовь ко всѣмъ и къ каждому, другу и недругу, кто бы онъ ни былъ, и молимъ Бога, дабы вѣра, что Господь Іисусъ Хрістосъ, есть единый глава церкви вселенской, и что Духъ Святый, исходитъ отъ Отца, и просвѣщаетъ всѣхъ насъ и весь міръ наравнѣ, утвердилась бы незыблемо во всѣхъ концахъ вселенной.

Да будетъ тако!

Вотъ, ваше іезуитское сіятельство, послѣднее наше слово. Да убѣдитесь вы и все ваше скопище, что трудную штуку вы затѣяли, и что шутить съ вами мы нисколько не намѣрены. Вѣдь дѣло идетъ о спасеніи нашихъ душъ, о цѣлости и мирѣ цѣлаго государства, о нашихъ дѣтяхъ, которыхъ мы вамъ безъ боя на смерть, не выдадимъ.

И уже позвольте кстати посовѣтовать и папѣ; вѣдь сказано гдѣ-то въ священномъ писаніи: „и уста невинныхъ глаголятъ истину:

Пора ему перестать хлопотать о невозможномъ главенствѣ въ церкви и довольствоваться быть только монархомъ, тогда и не худо бы и законною папихою завестись, и на свѣтъ законныхъ папенятъ пускать. Это будетъ и приличнѣе и нравственнѣе, чѣмъ таскаться за — чужими дѣтьми.

Да еще прилагаемую здѣсь просьбу папѣ Но-но, переведите да доставьте ему въ собственныя руки. Мы бы и сами это сдѣлали, да боимся губъ марать опроклятую туфлю.

Просьба Петра Артамова, вяземскаго мужичка, латинскому отцу папѣ Пію Но-но, а о чемъ, о томъ слѣдуетъ *ниже*:

„Непогрѣшимый отче Но-но, просимъ тебя, въ слѣдствіе и въ силу твоей непогрѣшимости, и властительства, *и могущества твоего* надъ западомъ, и востокомъ, и югомъ, и сѣверомъ, гдѣ раскинулась вся твоя система папистская, возведи въ званіе и причти къ лику, общества Іисусова, окружавшаго его при рождествѣ и при распятіи, бывшаго русскаго вѣрноподданнаго и православнаго бояриа князя Ивана Гагарина, а нынѣ латинскаго попа и іезуита и пребывающаго въ бѣгахъ въ Парижѣ, въ улицѣ почты, No. 18й, и повели его изображенію писатися тако: одѣтымъ въ черное іезуитское платье, въ колпакѣ немного повыше и поугловатѣе обыкновенныхъ іезуитскихъ колпаковъ; держащимъ въ лѣвой

рукѣ, хоругвь іезуитскую съ надписью: A. M. G. D. „о примиреніи русской церкви съ римскою“; „письма къ русской барынѣ о нескверномъ зачатіи“; и проч. и проч.; въ правой же рукѣ да будетъ у него красный пѣтушокъ, біющій крылушками и поющаго во все горло кака рѣку; и эти изображенія повели раздавать нашимъ русскимъ барынямъ въ особенности, и русскимъ знатнымъ боярамъ вообще. А также и присовокупить къ сему изображенію и слѣдующее моленіе, съ низкимъ колѣнопреклоненіемъ и троекратнымъ цалованіемъ краснаго пѣтушка незнатнымъ барынямъ русскимъ, а знатнымъ, коли охота на то окажется, цаловать и самаго патера; глаголя тако:

„Патере Гагарине-Репетилове, красный пѣтушокъ, моли Но-но, о насъ, дабы помиловалъ насъ и къ намъ бы: не спросясь броду, не совался въ воду.“

Лейпцигъ,
въ типографіи Густава Бера.

Leipzig,
Druck von Gustav Bär.